

УДК 301
ББК 60.55
К 63

К 63 **Комбаров В.Ю.** Трансотчуждение как социологический феномен современности. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. – 212 с.

ISBN 978-5-89665-254-0

Рецензенты:

д.с.н., профессор Калугина З.И.
д.с.н., профессор Мостовая Е.Б.
д.э.н., профессор Унтура Г.А.

Научный редактор:

д.с.н., Корель Л.В.

Монография является результатом исследовательского проекта, направленного на разработку и верификацию авторской концепции трансотчуждения, которая базируется на гипотезе о том, что современное отчуждение является гибридным вариантом – формой одновременного присутствия в современном обществе (в частности российском) как старых (советских), так и новых (западных) видов отчуждения. Теоретико-методологической основой для формирования концепта «трансотчуждения» послужили наработки таких мэтров социологической мысли как Жан Бодрийяр, Карл Маркс, Жорж Батай, Николай Лапин, Георг Зиммель, Зигмунд Бауман и другие. На материалах конкретного эмпирического социологического обследования, а так же на основании анализа вторичных данных выявлены различные виды отчуждения в традиционной для этого феномена сфере труда, а также в социальном контексте в целом (от управления, власти, самореализации, потребностей; от духовности, реальности), а также его современная форма – трансотчуждение. Показаны пять различных типов (социологических портретов) респондентов, отличающиеся по форме и видам современного отчуждения.

Книга будет интересна специалистам в области социологии, экономики, философии, психологии, калтурологии, а также всем тем, кто неравнодушен к проблемам современного общества и ситуации человека в нём.

УДК 301
ББК 60.55
К 63

ISBN 978-5-89665-254-0

© Комбаров В.Ю., 2013
© ИЭОПП СО РАН, 2013

Отчуждение – главная проблема человеческого существования современной эпохи и всех достойных науки исследований¹.

Глава I

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ОТЧУЖДЕНИЯ В КЛАССИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

1.1. Феномен отчуждения в социолого-философском дискурсе в домарксистский период

Отчуждение – научный концепт, имеющий солидную историю. Так, еще римское «alienatio» имело несколько значений: в сфере права – передачу прав и собственности; в социальной сфере – отделение, изоляцию или самоизоляцию индивида от других людей, своей страны или богов; в медико-психологической сфере – нарушение умственных функций, психическую болезнь (Кон, 1984). Историческую глубину феномена отчуждения подчеркивает тот факт, что такой древний сюжет как падение Адама, рассматривается исследователями как один из примеров отчуждения человека (Вахтер, 1982, с. 18). Проблема изучения отчуждения уходит своими корнями и во времена Платона, когда отчуждение изучалось в качестве религиозной формы, как отчуждение земного существования человека от божественного первоисточника, а снятие его видели в слиянии с богом в веровании и сакральном экстазе. Разработка проблемы религиозного отчуждения отражала и конкретные реалии средневековой действительности (Отчуждение труда, 1989, с. 34).

С приходом Нового времени и возникновением промышленных обществ, капитализма, категория «отчуждение» преодолевает рамки религиозного и приобретает всё большее политическое, правовое, социальное и экономическое содержание. Например, Томас Гоббс истолковывает отчуждение как механизм возникно-

¹ Чарльз Миллс. Социологическое воображение. – М.: 2001. – 264 с.

вения государства. Согласно английскому классику, государство есть продукт добровольного отчуждения людьми своей абсолютной свободы, абсолютных прав. Отчуждение людьми своих прав и свобод является основным условием общественного договора. В итоге, государство как искусственное тело, Левиафан, становится самостоятельной силой, способной навязывать свою волю людям. Вместе с тем, отчуждение прав в пользу государства – благо, так как эти права обмениваются на безопасность (Гоббс, 2001).

У представителя французского просвещения Жана-Жака Руссо отчуждение помимо политически-правового приобретает и социальное содержание. Социальные институты (государство, мораль, искусство, религия), являясь посредниками между людьми, отделяются от них, приобретают самостоятельность и господствуют над своими создателями. У Ж.-Ж. Руссо, в отличие от Т. Гоббса, четко выражено негативное отношение к отчуждению: отчуждение необходимо преодолеть. Идеалом французского ученого является такое общество, в котором социальные институты не довлеют над человеком, а связи между людьми прозрачны (Руссо, 1998). Важным в концепции Ж.-Ж. Руссо является обнаруженная им связь отчуждения и проблемы развития личности. Отчужденные социальные отношения уродуют человека, раздваивают его существование, делают частичным (в XX веке такого человека, наследуя традицию изучения отчуждения, Маркузе назовет «одномерным»). Свой век Ж.-Ж. Руссо характеризует так: в обществе, где царит растрепанность нравов, «нет ни искренней дружбы, ни настоящего уважения, ни полного доверия и под одной и той же маской вежливости скрываются подозрения, опасения, недоверие, холодность, задние мысли, ненависть и предательство» (Руссо, 1961, с.46). Целостный, разносторонне развитый, способный к любой деятельности человек – идеал Ж.-Ж. Руссо, которого он противопоставляет отчуждению.

Клод Гельвеций, в свою очередь, исходя из принципов полезности, отмечал, что преследование людьми своих личных интересов (в частности в политике) часто обращается им во вред. Поэтому механизм отчуждения у этого французского материалиста таков – выход из-под контроля людей их собственной деятельности, враждебность им её результатов (Гельвеций, 1974).

Таким образом, теоретики общественного договора (Гоббс, Руссо, Гельвеций) рассматривали политическое отчуждение как

главенствующую форму отчуждения, а государство как продукт этого отчуждения. Основой отчуждения для них выступает отделение людей от процесса и результатов их собственной деятельности, которые становятся неподконтрольными своим создателям и господствующими над ними.

Важно отметить, что согласно авторитетным исследователям теория политического отчуждения сыграла важную роль в практической деятельности французской буржуазии – воплотилась в «Декларации прав и свобод гражданина» и в Конституции, и в принципе неотчуждаемых прав члена общества, главным среди которых было право частной собственности (Огурцов, 1967, с. 35). Концепция отчуждения теоретиков общественного договора явилась исторической предшественницей философских учений об отчуждении И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля, Л. Фейербаха, воззрения которых затем стали основой марксистской концепции отчуждения.

Иммануил Кант рассматривает отчуждение как гносеологическую проблему. Объективная реальность, существуя безотносительно к ее познанию, является «вещью в себе», непознаваемой. Человек сам, силой своего воображения творит познаваемый мир – «вещь для себя», который неадекватен объективному миру – «вещи в себе». Внешний, сотворённый человеком, мир противостоит ему, как продукт отчуждающего творческого духа. Отчуждение, по мнению И. Канта, преодолевается единством творчества и познания. Человек в кантовской философии является активной фигурой, субъектом процесса отчуждения (Кант, 1963–1966).

Категорию отчуждения развивал и Иоганн Фихте. Сущностью человека для него является деятельность. Помимо деятельности субъективной он выделяет также и деятельность, направленную на преобразование предметного мира, то есть деятельность вовне (Фихте, 2008). Помимо собственного самоусовершенствования, творения самого себя, «я» создает и внешний предметный мир, природу, «не-я». Этот мир, «не-я», обладает самостоятельностью и выступает внешним по отношению к «я» и это «я» определяет. Отчуждение выступает как отчуждение самосознания, превращение духа в иное, материальное. Это материальное становится определяющим по отношению к духу, производное определяет основу. Снятие же отчуждения Фихте видит в результате его осознания индивидом своей сущности – неизменного абсолютного «я». Эмпирическое сознание посредством куль-

туры поднимается до уровня чистого «я», осознает внешний мир не как чуждую силу, а как собственное творение, творение абсолютного «я».

Высшее свое развитие категория отчуждения в немецкой классической философии получила в учении Фридриха Гегеля. Научное наследие этого немецкого ученого крайне обширно и пронизано универсальными рассуждениями об отчуждении. По этой причине некоторыми отечественными исследователями производилась работа по выделению подходов, видов, аспектов отчуждения в трудах Ф. Гегеля. Так, В. Погосян выделяет три аспекта гегелевского проекта отчуждения: онтологический, гносеологический и социологический (Погосян, 1973, с. 43). Н. Нарский выделяет дополнительные векторы в изучении Ф. Гегелем отчуждения: общефилософский, гносеологический, социальный и историко-культурный (Нарский, 1963, с. 37). Он же обращает внимание на три вида отчуждения у Ф. Гегеля: переход (отчуждение) идеи в природное, опредмечивание объективного духа в социальные институты и овеществление человеческого духа в продуктах его труда. Отметим, что впоследствии эти идеи послужили для К. Маркса фундаментом его социально-экономической теории отчужденного труда.

В целом отчуждение по Ф. Гегелю – это инобытие абсолютной идеи. Движение абсолютной идеи на пути к себе, к самознанию себя во всем многообразии, являет собой отчуждение и его снятие. Так, сперва абсолютная идея отчуждает противоположное себе материальное, в развитии которого от неживого к живому, от природы к обществу и далее до вершин философии, где окончательно снимается чуждая материальность и предметность, она познает самое себя. Отчуждение тождественно у Ф. Гегеля объективации, опредмечиванию и овеществлению. Природа, и что важно, общество, являются различными формами отчуждения абсолютной идеи. Противоположной отчуждению, у немецкого ученого, как и французских романтиков, является свобода. Свобода в учении Ф. Гегеля есть сущность духа, но первоначально он обладает ею только потенциально, как целью (Гегель, 1977). Лишь побывав в отчужденной форме предметности и сняв ее, дух становится свободным. Все развитие понятия «духа», представляет собой только самоосвобождение «духа» от всех форм наличного бытия, не соответствующих его понятию. Однако необходимо иметь в виду, что Ф. Гегель видит свободу не в ма-

териальном, а лишь в духовном. Как отдельный человек, так и целые народы, становятся свободными только благодаря осознанию свободы как своей сущности (Гегель, 1977, с. 312).

Вместе с тем, в работах Ф. Гегеля присутствуют весьма важные прозрения относительно экономической свободы и экономического отчуждения. В качестве примера можно привести отношения между рабом и господином, то есть связь господства и подчинения. Формально господин свободен, а раб – ему подчинен. Но в действительности, резюмирует Ф. Гегель, господин не может существовать без того, чтобы раб не отчуждал в его пользу свой труд. Следовательно, ни раб, ни господин не являются свободными (Гегель, 1977). Некоторые экономисты и социологи склонны видеть в этом анализе диалектики свободы и подчинения исследование так называемых «первичных» и «вторичных» фигур отчуждения, развитое позднее К. Марксом (Отчуждение труда, 1989, с. 38).

Стоит отметить, что учение Ф. Гегеля об инобытии абсолютной идеи и самоотчужденного от себя духа не является уникальным, а есть скорее ассимиляция идей древней, в частности индийской философии. Преемственность положений индийской философии в трудах Ф. Гегеля анализирует, в замечательной работе «Гегель и Восток» Г. Шаймухамбетова (Шаймухамбетова, 1995). В Ведах и Упанишадах, то, что Ф. Гегель именует духом, определяется как Атман, Единый, Непроявленный. Вся индийская философия, духовная традиция и религия (которые, как правило, являются собой единой целое) направлены на достижение единения, слияния, преодоления отчуждения, вызванного отделённостью материального человеческого существования от Абсолюта. Путём освобождения становится духовный путь, йога, практика, конечным результатом которой является состояние Самадхи, состояние необусловленности и слияния с Духом (Элиаде, 2000).

В противоположном ключе трактует отчуждение Людвиг Фейербах – критик религии и идеализма. Религиозное сознание в его трактовке – это отчуждённое, разорванное сознание. Механизм таков: человек отчуждает свою реальную, предметно-чувственную сущность в трансцендентное, потустороннее. Отчуждая свою родовую сущность, человек наделяет ею бога. «Теология раздваивает и отчуждает человека, чтобы эту отчужденную сущность опять-таки с ним отождествить» (Фейербах, 1955, с. 117). Собственные силы человека начинают восприниматься им

как сверхъестественные, божественные, господствующие. Л. Фейербах постулирует тот факт, что религиозное отчуждение разрушает общественную жизнь. «Чтобы обогатить бога, надо разорить человека; чтобы он был всем, человек должен сделаться ничем» (Фейербах, 1955, с. 56). Страх и зависимость выступают в качестве основных причин отчуждения человека от своей реальной предметно-чувственной сущности. Они возникают потому, что, стремясь удовлетворить свои потребности человек, зачастую не достигает их удовлетворения и устремляется к богу. Основная идея Л. Фейербаха заключена в том, что «абсолютный дух» Гегеля – это не что иное, как отчужденное мышление человека, представленное как божественная сущность. А гегелевская идея о том, что реальность – результат деятельности духа, лишь рациональное выражение религиозного мифа о творении природы. Действенный способ преодолеть отчуждение для Л. Фейербаха – это отказаться от религии и идеализма, чтобы отчуждённые общественные свойства вернулись человеку, а всё божественное предстало как человеческое.

В свою очередь Мозес Гесс был одним из первых, кто активно внедрял в общественное сознание своего времени идею о взаимосвязанности кризиса человечества, капиталистического рабства, отчуждения и денег. Для него деньги – это продукт взаимно отчужденных людей, человеческих отношений. Деньги, как человеческая ценность, переведенная в цифры, представляют собой штамп, печать рабства на теле общества. Таким образом, люди, следуя мысли М. Гесса, вынуждены продавать свою человеческую сущность, свою жизнь, свою свободную деятельность для того, чтобы и дальше продолжать влачить свое жалкое существование: «Мы бесконечно покупаем наше естество и теряем при этом нашу свободу» (Hess, 1971). И далее: «Если мы не хотим умереть с голоду, мы должны периодически потреблять нашу жизнь. Деньги, которые мы потребляем и ради которых трудимся, есть наши собственные плоть и кровь, которые должны быть приобретены, завоеваны и потреблены в отчужденной форме» (Hess, 1971). Не стесняясь в выражениях, М. Гесс называет современных ему людей эпохи капитализма каннибалами, хищными зверьми и вампирами. Идеи немецкого идеолога о сущности денег как отчужденной человеческой природы и деятельности стали основополагающими для таких социологов и классиков дискурса отчуждения, как Карл Маркс и Георг Зиммель.

Таким образом, немецкая идеалистическая философия отождествляет отчуждение с объективацией. Объективация – это процесс опредмечивания духовной деятельности человека по Канту, абсолютного «я» по Фихте и абсолютной идеи по Гегелю. В последующем, эти представления немецкой философии о феномене отчуждения послужили основанием для непосредственно социально-экономических концепций отчуждения. В частности, объективация, овеществление человеческих сил и отношений нашла свое применение при анализе института денег и отчужденного труда, причем труда не только физического, но и умственного, а также труда в сфере услуг. Деньги, как отчужденная человеческая сущность, были описаны Г. Зиммелем, а труд, как чуждая и противостоящая человеку сила, были истолкованы К. Марксом. Некоторые социологи пошли еще дальше и предложили на основе теории реификации (овеществления) концепции, в контексте которых человек представлен как объект, потерявший человеческую сущность, полностью дегуманизированный – в границах этих представлений человек есть попросту вещь (Батай, 2006; Фромм, 2007).

1.2. Отчуждение как теоретический конструкт в трудах теоретиков классической социологии и франкфуртского направления

С известной долей относительности я придерживаюсь мнения, что конкретную социально-экономическую трактовку проблема отчуждения получила в работах К. Маркса. Как правило, при описании концепции отчуждения К. Маркса, выделяют четыре процесса, которые выражают сущность общественных отношений, основанных на разделении труда и частной собственности на средства производства: 1) человек, выполняя частичную функцию и не постигая целостности социальной жизни, превращается из активного субъекта в объект; 2) объекты и продукты его деятельности приобретают самостоятельное существование, определяющее жизнь отдельного человека; 3) деятельность человека, приковывающая его к враждебному социальному миру, становится чем-то внешним и враждебным человеку; 4) отношения между человеком и обществом антагонистичны (Отчуждение труда, 1989).

Наибольшая концентрация смыслов и идей молодого К. Маркса относительно отчуждения содержится в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Именно это произведение мэтра немецкой научной мысли впоследствии стало своего рода библией для исследователей проблемы отчуждения и социально-экономической жизни при капитализме в целом. В рукописях К. Маркс постулирует факт того, что антагонистические общественные отношения извращают содержание процесса труда, отношение человека к своей деятельности, а так же отношения между субъектом и объектом. Отчуждение социальной сущности человека в предмет производства выступает как закабаление. Из свободной деятельности, присущей свободному человеку, деятельность трансформируется в свою полную противоположность. По отношению к индивиду она становится внешней, посторонней для работника, отчужденной от него. Следуя мысли К. Маркса, можно сказать, что те силы, которые создаются человеком в результате отчужденного труда, его же и поработают. Потеряв способность управлять этими силами, индивид превращается в раба. Силы эти социальны и представляют собой не что иное, как отчужденное богатство, а именно совокупность производительных сил и производственных отношений, создаваемых человеком в совместной деятельности с другими индивидами. Однако эти силы стали независимыми, самостоятельными и даже враждебными человеку, который их произвел.

По настоящему свободным индивид чувствует себя не в процессе производства, а за пределами труда. В труде индивид «...не развертывает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух» (Маркс, Энгельс, 1956, с. 563). Получается, что «Человек чувствует себя свободным не в процессе труда, а лишь в том бытии, которое не отличает его от животного. Подлинно человеческая жизнедеятельность, заключающаяся в преобразовании природы, социальной действительности и самого себя, здесь отсутствует. Она замещается «животным» отношением к деятельности как к средству удовлетворения потребностей. Объясняется это тем, что труд и его результаты принадлежат не самому человеку, а другому субъекту – частному собственнику. Отчуждение деятельности есть результат разделения труда, которое делает рабочего все более односторонним и зависимым, превращает его в частичного человека» (Огурцов, 1967, с. 74).

Важно, что в своих «Экономически-философских рукописях 1844 года» К. Маркс анализирует и такой интересный феномен как отчуждение от природы, иными словами от родовой сущности. Проблеме взаимоотношений человека и природы в трудах К. Маркса внимание уделила в частности Н. Тихонова: «Теория взаимодействия природы и общества является неотъемлемым компонентом воззрений Маркса и Энгельса» (Тихонова, 1981, с. 20). Природа рассматривается К. Марксом как неорганическое продолжение человека, с помощью которого (например, используя природные материалы), человек самореализуется в процессе труда. «Природа есть неорганическое тело человека... Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть» (Маркс, Энгельс, 1974, М., с. 92). Так, не только очеловеченная природа, мир продуктов его деятельности, но и неорганическая природа как арсенал предметов труда, принадлежащих капиталисту, приобретает для рабочего отчужденный характер. Единство человека и природы разрушено. В контексте данных размышлений К. Маркса природа выглядит лишь как средство сохранения индивидуального существования. Природа трансформируется в нечто чуждое и враждебное по отношению к индивиду. «Отчужденный труд человека, отчуждая от него 1) природу, 2) его самого, его собственную деятельную функцию, его жизнедеятельность, тем самым отчуждает от человека род: он превращает для человека родовую жизнь в средство для поддержания индивидуальной жизни» (Маркс, 1974, с. 92).

Наконец, в результате вышеописанных механизмов, в частности, в результате отчуждения от родовой сущности, генерируется отчуждение человека от другого человека. Так, К. Маркс пишет: «Вообще положение о том, что от человека отчуждена его родовая сущность, означает, что один человек отчужден от другого и каждый из них отчужден от человеческой сущности.» (Маркс, 1974, с. 95). В социуме, в котором господствуют разделение труда и военно-бюрократическое государство, индивид опустошен, заброшен и одинок. Практически каждый видит в другом человеке своего врага и конкурента. Человек становится подвержен страху за свое выживание, так как все подлинные человеческие связи разрушены. Корысть и эгоизм вынуждают видеть не только другого, но и самого себя в качестве средства, а не самоцели.

По мнению некоторых отечественных исследователей, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркса представлена следующая структура основных форм отчуждения: 1) экономическое – отчуждение от продукта труда, от процесса труда; 2) социальное – отчуждение от родовой сущности, человека от человека (в том числе рабочего от рабочего и рабочего от нерабочего); 3) политическое – отчуждение государства от народа, бюрократизм; 4) в сознании – религиозное отчуждение, денежный фетишизм как одна из форм отчужденного сознания (Отчуждение труда, 1989, с. 60).

В работе «Немецкая идеология» К. Маркс продолжает исследовать проблему отчуждения. Однако сущностное наполнение концепта отчуждения в этой работе заметно отличается от концепта 1844 года. Изучение К. Марксом и Ф. Энгельсом отчуждения продолжается в русле таких направлений как: 1) отчуждение частной собственности; 2) отчуждение государства, в результате того, что общий интерес «принимает самостоятельную форму, оторванную от действительных – как отдельных, так и совместных – интересов, и вместе с тем форму иллюзорной общности (Маркс, Энгельс, 1974, т. 3, с. 271); 3) отчуждение социальной деятельности, превращение самого трудового процесса в нечто враждебное индивиду. Такие аспекты социальной жизни как производительные силы человека, государство, экономика, сознание в его идеологических формах отчуждаются от человека, являются ему чуждыми и враждебными. В «Немецкой идеологии» вопрос о преодолении отчуждения связывается К. Марксом и Ф. Энгельсом с упразднением капитализма. (Маркс, Энгельс, 1974, т. 3, с. 68).

Целостно понять марксистскую концепцию отчуждения в её теоретически завершённом виде можно при рассмотрении того, как развивались взгляды на эту проблему в течение всего творческого научного пути этого ученого. «Капитал», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и другие работы К. Маркса и Ф. Энгельса свидетельствуют в пользу того, что они продолжали разработку научной концепции этого феномена. Так, продолжает разветвляться категориальная база понятия «отчуждение». Структура отчуждения в произведениях 1950–1960-х гг. теперь выглядит так: «Veräußerung», «Entäußerung», «Entfremdung» и «Fremdartigkeit». Первые три категории выражают усугубление процесса отчуждения по мере развития товарно-денежных отношений. «Veräußerung» характеризует акт пере-

дачи, отчуждения товара одним товаровладельцем другому, иными словами обозначает товарообмен.

Категория «*Entäußerung*» характеризует более глубокие социальные превращения. Она служит для описания овеществления социальных отношений в деньгах как вещном носителе абстрактного богатства, в капитале (как деньгах) (Огурцов, 1968, с. 77). Отчуждение во внешнем бытии – вот тот аспект, который фиксирует это понятие. «*Entfremdung*», в свою очередь, отражает процессы отчуждения всего социального мира, создаваемого человеком, от него самого. Духовная и материальная культура трансформируются в мир капитала и мутируют в нечто чуждое и враждебное сотворившему их человеку. «*Fremdartigkeit*» характеризует чуждость предметного мира, создаваемого человеком, лишь фиксирует отчужденное состояние, бытие в отчужденной форме. Специфику этих сторон отчуждения К. Маркс выявил в «Капитале».

Стоит отметить, что в науке наблюдается явное недовольство исследователей отчуждения переводом этих терминов на русский язык: «... в русских переводах часто ускользают некоторые, может быть, очень важные оттенки мысли Маркса, и как раз в тех пунктах, где речь идет именно о противопоставлении его позиций гегелевской системе понятий. Для различения *Entfremdung*, *Entäusserung*, *Veräusserung* в русской философской терминологии попросту нет устойчивых и единообразных терминов, а все попытки создания приводили до сих пор к появлению очень неуклюжих и явно нежизнеспособных конструкций» (Ильенков, 1991, с. 142). К решению этой проблемы приблизился В. Парцвания. Он считает, что «... в грузинском языке вышеназванные немецкие термины соответственно передаются терминами «гадагвареба», «гауцхоеба» и «гасхвисеба». Более того, они даже точнее отражают суть дела и не отождествляются друг с другом, как это иной раз имеет место в других языках. В человеческом обществе человек сначала проходит стадию «гадагвареба», то есть перерождается, находится в стадии предотчуждения. В данном случае понятие «гадагвареба» в русском языке соответствует понятию «перерождение». После этого человек находится в стадии отчуждения, то есть в стадии «гауцхоеба», что абсолютно тождественно понятию *Entfremdung*. Отчуждение (как *Entfremdung* – «гауцхоеба») происходит за счет частнособственнических социальных отношений и всеобщей сущности товарного производства. При произ-

водстве прибавочной стоимости непосредственные производители лишены подавляющей части конечного результата своего «труда». Далее происходит принуждённое «гасхвисеба», то есть «отсвоение», или «отдругивание» (Парцвания, 2003), что и приводит, в конечном счете, к отчуждению человека.

Итак, характеризуя наиболее важные моменты процесса отчуждения необходимо подчеркнуть, что К. Маркс и Ф. Энгельс фокусируют свое внимание, прежде всего, на отчуждении деятельности человека, превращении её в чуждую и враждебную самому человеку силу. Выходя из процесса труда, индивид становится не богаче, а беднее, опустошеннее. От субъекта деятельности отчуждается не только процесс труда, но условия деятельности и результаты. Капитал, власть которого все более и более увеличивается, проявляет себя как отчужденная, получившая самостоятельное существование общественная сила. Из субъекта деятельности человек превращается в объект. От человека отчуждается вся социальная жизнь – экономическая, политическая, духовная. Человек относится к культуре не как к продукту своей деятельности, а как к внешней и чужой, освоить которую он не в силах. Отношения между людьми – это отношения между исполнителями частичных социальных функций. Жизнь человека лишена человеческого содержания, она стала функцией, смысл которой предписан социальным институтом.

После К. Маркса теоретические исследования отчуждения были продолжены такими классиками социологической мысли как Г. Зиммель, Э. Дюркгейм и М. Вебер. Хотя объектом их научного анализа и не является конкретно понятие «отчуждение», проблемы, которые традиционно связываются с проявлением последнего, занимают значительное и, возможно, даже центральное место в их творчестве. Для них основными факторами отчуждения выступают овеществление, индустриализация, урбанизация, рационализация и бюрократизация (Зиммель, 2006; Дюркгейм, 1991; Вебер, 1990). Основаниями для их рассуждений становится осознание кардинальных перемен, произошедших в обществах (прежде всего западных) после индустриальной революции в XVIII веке. До этого поворотного пункта истории основой жизненного уклада была аграрная экономика, характеристиками которой выступали относительно гомогенная культура, а также обитание большинства людей в деревнях и небольших городах. Мастера и ремесленники того времени производили свои продукты и

непосредственно продавали их потребителям. Однако с развитием технологий и индустриального производства жизнь кардинальным образом изменилась: машины стали заменять рабочих, были сформированы отдаленные рынки сбыта, началось накопление капитала. В итоге, экономический базис общества был радикально изменен. Кроме того, развитие заводов приводило к скоплению в небольших конгломерациях большого количества рабочих. Скученность чужих людей приводила к новым видам проблем, связанных с существованием лицом к лицу большого количества незнакомых людей. В итоге, рост промышленности привел к разделению труда и образованию различных социальных групп, различающихся по имущественному, культурным и социальным признакам.

Э. Дюркгейм выражал свою тревогу по поводу того, что в условиях этого нового, индустриального общества огромному риску подвергаются социальные связи, происходит их ослабление, а социальная дезорганизация сменяет организованное социальное тело. Для анализа этих тенденций французский классик применяет понятие *общественное разделение труда*, а также концепцию двух видов солидарностей: механической и органической. Стоит отметить двойственность позиции Э. Дюркгейма. С одной стороны, он показывает, что органическая солидарность, свойственная современным обществам и основанная на разделении труда, выполняет нравственную функцию – солидаризирует общество через большую взаимозависимость людей, ориентацию на самооценку человека, этику, обязанности, связывающих людей друг с другом. В качестве примера разделения труда исследователь приводит пример из области либидинальной экономики: «Изолированные друг от друга мужчина и женщина суть только различные части одного и того же конкретного целого, которое они, соединяясь, восстанавливают. Иными словами, разделение полового труда – вот источник супружеской солидарности» (Дюркгейм, 1991, с. 58). С другой стороны, Э. Дюркгейм признает, что общественное разделение труда и органическая солидарность являются собой весьма плодородную почву не только для единения, но и для социальных антагонизмов, дезинтеграции. В доиндустриальных сообществах индивиды были привязаны к обществу универсальными моральными ценностями. Индустриальная эпоха сталкивает лиц с разными, а порою абсолютно противоположными ценностными установками. В итоге, в обществе

культивируется неопределенность, неуверенность относительно того, каким именно ценностям следует следовать, а какими можно пренебрегать. Наступает эпоха безнормности, пренебрежения социально одобряемыми способами удовлетворения потребностей и достижением желаемого. Такое положение дел повергает людей в состояние тревоги, страха, изоляции, отчуждения и отчаяния. Э. Дюркгейм называет это явление «аномией», которая проявляется в условиях деформированной солидарности (Дюркгейм, 1994, с. 82–97).

Стоит отметить, что выдвигая свою трактовку солидарности, Э. Дюркгейм полемизирует с Огюстом Контом и Фердинандом Тённисом. Известно, что О. Конт с опасением относился к процессу разделения труда. Для него разделение труда не только источник солидарности, но и дезинтеграции. Противостоять дезинтеграции, по мнению родоначальника социологии, можно при помощи основанного на традиции морального единства и усилении роли государства (Конт, 2001). Фердинанд Тённис в своей известнейшей работе «Община и общество» полагал, что общинная жизнь основывается на родстве, соседстве, дружбе, понятии достоинства, а общество зиждется на понятиях стоимости и расчета, капитала и рабочей силы (Тённис, 2002).

Хотя Э. Дюркгейм и не концентрировал свою научную деятельность вокруг понятия «отчуждение», смысл, вкладываемый им в такие понятия, как «аномия», «разделение труда» и «солидарность», имеют, согласно современным социологам, прямое отношение к отчуждению, а иногда, как в случае с аномией, являются его синонимами.

Макс Вебер, в свою очередь, видел опасность для современного общества в беспрецедентных до настоящего времени формах бюрократизации и рационализации. Угроза отчуждения в этом случае связывается с дегуманизирующим влиянием этих процессов на общество в целом и личность в частности. Это выражается в регламентировании человеческих поступков и контроле над индивидами. В результате метастазирования бюрократии и рационализма каждый аспект социального бытия предстает как объект измерения, контроля и расчета (Вебер, 1990). Общей характеристикой рационализации является переориентация человеческого действия, поступков с позиций традиционных, привычны норм в сторону критериев чистой выгоды, интереса. Рационализируются все сферы общества: экономика, политика, наука, культура, сексу-

альность и даже образ мышления людей, их чувствования и образ жизни в целом. Наука, как медиум (проводник) принципа рациональности, проникает сначала в производство, а затем в управление и быт. Таким образом, концепция рационализации выступает как основополагающая характеристика капиталистического общества, которое предстает в образе «железной клетки», внутри которой индивиды, лишённые прежних, традиционных религиозных смыслов и нравственных ценностей, во всё большей степени подчиняются надзору со стороны правительства и бюрократии. Схожая с понятием отчуждения К. Маркса, рационализация провоцирует отщепление индивида от общины, семьи и церкви, подчиняет его правовой, политической и экономической регуляции в труде, в образовании.

Спектр интересов Георга Зиммеля к отчуждению включает вопросы урбанизации, природы человеческих взаимоотношений, а также проблемы соотношения культуры, овеществления и денег. В фундаментальном труде «Философия денег» развитие общественных отношений предстает как история их овеществления, диффузного проникновения денежных отношений в сферу межличностных контактов, культуры, искусства, в область науки и права (Simmel, 2004). В контексте этих представлений все люди являются равноценными, но не потому, что каждый обладает ценностью как личность, а по причине того, что деньги нивелируют и уравнивают самооценку индивидов, превращают их в разменные единицы по единому курсу. Социальные отношения в этом ракурсе предстают как взаимное проституирование.

Большие метрополии для Г. Зиммеля – это пустыни отчуждения: «Внутренние отношения жителей больших городов друг к другу формально характеризуются замкнутостью, обособленностью. Если бы непрерывным внешним сношениям с бесчисленным множеством людей должно было бы соответствовать так же много внутренних реакций, как в маленьком городе, где знаешь почти каждого встречного и к каждому имеешь непосредственное отношение, – если бы это было так, внутренний мир распался бы на атомы, и душевное состояние стало бы прямо невозможным» (Зиммель, 2002). Согласно исследователю, духовная и общественная жизнь больших городов с ее взаимной замкнутостью, безразличием и индивидуализмом, является результатом (как бы это ни было парадоксально) именно физической, пространственной близости. Показывая бездуховность городской жизни, Г.

Зиммель весьма метко цитирует одного из английских историков: «Во всё течение английской истории Лондон никогда не был сердцем Англии, он часто был её мозгом и всегда – денежной массой» (Зиммель, 2002).

Отчуждение есть и продолжение социальной природы человека. В эссе «Человек как враг» Г. Зиммель отмечает, что человеку изначально присуща враждебность (Зиммель, 2007, с. 5). Условием этой враждебности является эгоистическая сущность человеческой личности, а также врождённая тяга к оппозиции, которая может быть сравнима, согласно немецкому ученому, с врожденным рефлексом животных автоматически выбрасывать приспособления для защиты в ответ на прикосновение или угрозу нападения. Борьба и оппозиция являются социальной сущностью человеческих взаимоотношений.

Вышеперечисленные идеи Г. Зиммеля, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ф. Тённиса и О. Конта в области проблем, связанных с отчуждением, активно применялись более поздними исследователями отчуждения в XX веке и применяются в настоящее время. Кристаллизация городского типа жизни, развитие промышленности, науки, усиливающаяся рационализация – призма для рассмотрения феномена отчуждения в руках авторов Франкфуртского направления. Идеи, выдвинутые классиками социологии в начале XX века об истончении традиционных общинных, семейных, дружеских и «душевных» социальных связях, послужили отправной точкой для современных социологов на пути формирования концепций индивидуализированного общества, подверженного атомизации его социального тела (Сеннет, 2002; Бауман, 2005).

ФРАНКФУРТСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ОТЧУЖДЕНИЕ

Отчуждение является центральной темой для исследователь Франкфуртского социологического направления. Основными представителями Института социологических исследований во Франкфурте являются Герберт Маркузе, Макс Хоркхаймер, Эрих Фромм, Ханна Арендт, Теодор Адорно. Их научная деятельность носит критический характер и направлена на многие институты современного общества, в том числе на науку, и социологию в частности. Основными маркерами, через которые проступает отчуждение, являются репрессивный характер эпо-

хи, подавленная сексуальность, извращённые потребности, деформация личности, массовое общество, конsumerизм, манипулятивная функция СМИ.

Программным произведением участников франкфуртского направления является знаменитая работа «Диалектика просвещения», которая характеризуют современную цивилизацию как порочную, а общее течение истории рисуется ими как процесс все увеличивающегося отчуждения. Согласно исследователям, именно в эпоху позднего капитализма отчуждение достигает своей максимальной фазы. Человек, в свете этой точки зрения, предстает как объект господства социальных и культурных структур, оказывающих на него губительное воздействие (Хоркхаймер, Адорно, 1997). Критический заряд авторов направлен главным образом на веру в безудержный прогресс, совершаемый при помощи человеческого разума. Продуктом последнего выступает современное технологическое общество со всеми присущими ему изъянами. Процесс непрерывной рационализации, покорения окружающего пространства при помощи науки и техники приводит: 1) к разделению социальных отношений на отношения господства и подчинения; 2) к расщеплению индивида: чувственные переживания подавляются абстрактными представлениями о себе. Культивируется тотальное отчуждение от природы, от себя и от других людей.

Трагизм ситуации в том, что основная часть людей не осознает процессы тотального отчуждения. Этому мешает мощный аппарат культурной индустрии. Функциональность и рациональность навязываются посредством масс-медиа: кино, радио, реклама, телевидение. Общую сферу масс-медиа авторы называют культуриндустрией, которая формирует общие потребности; человек превращается в простого функционера по удовлетворению искусственно сформированных потребностей. «Сегодня культура на все накладывает печать единообразия. Кино, радио, журналы образуют собой систему. Каждый в отдельности её раздел и всё вместе выказывают редкостное единодушие... Кино и радио уже более не требуется выдавать себя за искусство. Та истина, что они являются не чем иным, как бизнесом, используется ими в качестве идеологии, долженствующей легитимировать тот хлам, который они умышленно производят» (Хоркхаймер, Адорно, 1997, с. 149–150). Становясь продолжением сплава рациональности и технологий культуриндустрия

«сегодня является рациональностью самого господства как такового. Она есть свойство отчуждённого от самого себя общества», принужденного «автомобилями, бомбами и кино» (Хоркхаймер, 1997, с. 151).

Схожие проблемы поднимаются Т. Адорно в «Философии новой музыки», где отчуждение препарируется через анализ состояния музыкальной сферы современного общества. Соотношение между музыкой и отчуждением становится понятной в связи с тем, что путь освобождения современного человека видится теоретикам франкфуртского направления через искусство. Как и другие сферы социальной жизни, музыка тоже подвержена вторжению рационализации, а, следовательно, приобретает свойства системы контроля: «Как и везде, в музыке остается монополия специалистов. Однако же, по сравнению с изредка доносящимися звуками, избегающими сети организованной культуры и ее потребителей, такая культура, очевидно, представляет собой надувательство» (Адорно, 2001, с. 78). Т. Адорно говорил о музыке как о голосе человека, деформированного прессом капиталистического отчуждения. Логично, что роль освободительного движения в искусстве и музыкальном искусстве в частности, немецкий ученый отводит авангарду: отсутствие смысла в такой музыке, с точки зрения привычной музыкальной теории, порождает деструкцию смысла рационального и тотально организованного общества. Освобождение человека видится сквозь призму деструктуриации устоявшихся типов мышления. Ярчайшими примерами освободительной музыки по Т. Адорно являются композиторы Арнольд Шёнберг, Бела Барток, Игорь Стравинский.

Важной вехой в истории Франкфуртской школы является деятельность одного из самых радикальных её участников Г. Маркузе. Его перу принадлежат два важнейших научных произведения XX столетия: «Эрос и цивилизация» и «Одномерный человек». По мнению Г. Маркузе основным типом человека современного общества является человек с одномерной структурой влечений: одномерный, самоотчужденный индивид является продуктом бюрократического, рационализированного и репрессивного социума. У него отсутствует самое главное – социально-критическое отношение к действительности, поэтому он превращается в покорного служителя системы. Такое подчинение системе возможно в результате формирования ложных потребностей, производящихся обществом потребления. Результатом

удовлетворения ложных потребностей становится экстаз, наслаждение в условиях общего недуга. К категории ложных потребностей К. Маркузе относит: расслабление, развлечение, потребление и поведение в соответствии с рекламными образцами. Формально такое общество называется либеральным, на самом деле оно являет собой завуалированный неототалитаризм (Маркузе, 2002).

Отчуждение является центральной для всего творчества Э. Фромма, которое трактуется им через призму общего состояния эпохи и общества: «дружелюбие или враждебность и разрушительность, жажда власти и стремление к подчинению, отчужденность, тенденция к самовозвеличению, скупость, тяга к чувственным наслаждениям или страх перед ними – все эти и многие другие стремления и страхи, которые можно обнаружить в человеке, развиваются как реакции на определенные условия жизни» (Фромм, 2009, с. 20–22). В сфере межличностных (социальных) отношений отчуждение присутствует как извращенное представление о человеке не как об индивиде, который является ценностью сам по себе, а как о средстве для достижения политических, экономических и других целей. Человек становится вещью, объектом манипуляции со стороны различных социальных институтов, власти и других людей. Потеря подлинных, истинных человеческих связей по Э. Фромму есть путь, ведущий и к самоотчуждению, ситуации, в которой сам человек оценивает себя как вещь, как средство и превращается в бездушный механизм для достижения целей. Таких людей Э. Фромм называет обладателями «рыночной ориентации» социального характера. Сущностью такой личности является установка на экономический успех, на возможность как можно более эффективно применить себя в рыночных условиях. Свои способности люди рыночного социального характера рассматривают как товар. Соответственно нравственные вопросы отодвигаются ими на второй план, важным является успех и накопительство. Между двумя жизненными сценариями «быть» или «иметь» большинство людей в современном обществе выбирают жизнь по принципу обладания (Фромм, 2007).

В центре научных интересов Х. Арндт тоже находятся общие условия современной цивилизации, приводящие к отчуждению. Большое внимание исследовательница уделяет проблемам тоталитаризма, как современной форме политического рабства.

Одним из важнейших факторов, потворствующих развитию тоталитаризма, выступает нарушение границы между публичной и частной сферами, утрата частной собственности (Арендт, 1996). Лишение человека частной собственности приводит к отлучению от необходимой для человека «скрытности», «приватности», которая противопоставляется нивелирующей публичности. Причиной отчуждения выступает экспроприация собственности у подавляющего числа рабочих и крестьянства. В итоге последние отрезаются от своей «семейно-собственной частной доли мира», той части мира, в границах которой они являлись полноправными субъектами многих жизненных процессов. Лишенные частной собственности люди теряют власть, силу и индивидуальность. Важным является еще и то, что именно частная собственность, в которой можно укрыться от света публичности, даёт человеку базовое чувство безопасности, способствует формированию собственной идентичности. Лишение людей частной собственности провоцирует формирование массовых и конформных обществ, податливых тоталитаризму.

Отмечу, что колоссальный задел исследователей франкфуртского направления в социологии по изучению механизмов современного процесса отчуждения во многом послужил отправной точкой для более поздних ученых, в поле зрения которых находится феномен отчуждения. Так преемственность идей Г. Маркузе, Т. Адорно, Э. Фромма заметна в работах Жана Бодрийяра, Зигмунда Баумана, Жилия Делёза и Феликса Гваттари.

1.3. Современные исследования феномена отчуждения в контексте производственных отношений

Одним из первых, кто применил системный социологический анализ к проблеме отчуждения и операционализировал в его современной версии (во второй половине XX века), был Мэлвин Симен. Предложенная им интерпретация отчуждения в виде зонтичного концепта в состоянии охватить практически любую сферу социологического (и социального) опыта и включает в себя 5 векторов: бессилие, бессмысленность, изоляцию, безнормность (аномию) и самоотчуждение (Seeman, 1959, с. 784). Эта концепция М. Симена наиболее часто встречается в исследованиях отчуждения в сфере труда. Бессилие в концепции

М. Симена ассоциируется с жизненной ситуацией индивида, в которой его поведение и действия в отношении некой цели не могут иметь успеха, в силу различных социальных и других причин, ограничивающих результативность данного поведения. В целом, бессилие как отчуждение, характеризует ситуацию безысходности, например в случае с бедностью, коррупцией, незащищенностью. Когда привычными способами решить проблему не удастся, люди, испытывающие бессилие, довольно часто выбирают акции протеста и демонстрации как методы, способные разрешить социальный конфликт (Smith, Preston, 1977, с. 333).

Другое измерение (dimension), через которое проявляется отчуждение – бессмысленность, представляет собой ситуацию, в которой индивид не видит смысла в совершаемых им действиях в реальное время или в перспективе, либо отсутствие смысла в жизни в целом (Seeman, 1959, с. 786–787). Ситуация бессмысленности характеризуется также отсутствием ценностей.

Отчуждение у М. Симена ассоциируется и с безнормностью или культурным отчуждением. В этом случае люди пренебрегают социально одобряемыми нормами, когда те не в состоянии удовлетворить их потребности, от низших (сексуальные, в еде, в безопасности) до высших (признание, саморазвитие, успех). В целом, данный вид отчуждения характеризует и неприятие человеком норм общества в силу несоответствия их его ценностным установкам и взглядам на жизнь. Подчас, для достижения различных благ и удовлетворения потребностей люди прибегают к неодобряемому поведению или вырабатывают новые нормы. Это соответствует идеям Э. Дюркгейма и Р. Мертона об аномии. Развивая теорию аномии, Роберт Мертон отмечает, что индивиды, отрицающие цели и средства достижения определенных культурных ценностей, находятся в обществе, но не принадлежат ему. С социологической точки зрения они являются чужаками и их принадлежность к обществу фиктивна (Мертон, 1966, с. 299–313). В качестве примера аномии американские исследователи обычно приводят опыт американских хиппи и битников, отчужденных от ценностей и норм американского общества и выработавших собственную культуру, систему идеалов и правил регулирования собственной жизни. В контексте отечественных реалий такими примерами могут служить шестидесятники, советское диссидент-

во, молодёжные движения конца 1980-х, а также литературный и музыкальный андеграунд.

Следующий вид отчуждения – изоляция, характеризуется чувством отделенности, обособленности или инаковости. Согласно М. Симену, изолированные индивиды «не признают цели и убеждения, которые, как правило, высоко ценятся в обществе» (Seeman, 1959, с. 789). Пример: интеллектуалы, артисты, писатели, которые предпочитают самодистанцироваться от популярных культурных (социальных) стандартов, таких например как автомобили, яхты, дома; им чужды мыльные оперы и футбол. Кроме того, М. Симен, говоря об изоляции как о проявлении отчуждения, характеризует им индивидов, ограниченных в чем либо, лишённых социальных контактов: пожилые люди, заключённые, инвалиды. Проблема отчуждения в её взаимосвязи с изоляцией и аутизмом рассматривается и новосибирским социологом Людмилой Васильевной Корель в контексте социологии адаптаций (Корель, 2005).

Пятая проекция отчуждения – самоотчуждение, характеризует, в свою очередь, ситуацию, в которой человек выполняет какую либо деятельность не из желания, а по необходимости, не реализуя потенциал своей личности. Классическим примером является работа (подчас нелюбимая, и неинтересная) ради денег и учеба ради получения документа об образовании.

В последнее время в работах по исследованию отчуждения заметен явный интерес как раз к проблемам самореализации. Например, Р. Ходсон и Т. Салливан в своей книге «Социальная организация труда» говорят об оппозиции таких двух понятий, как отчуждение и самореализация: «self-actualization versus alienation» (Hodson, Sullivan, 2008, с. 55). Предполагается, что самореализация работника может быть прослежена через факт наличия удовлетворенности трудом или отсутствием такой удовлетворенности. Удовлетворенность трудом, в свою очередь, имеет тесную связь с тем, в какой степени выполняемая работа может быть привлекательной, или напротив, бессмысленной с точки зрения достижения определенных профессиональных запросов. На степень удовлетворения трудом влияет большое количество факторов, среди которых характер выполняемых рабочих заданий, тип социальной структуры организации, потребности и ценности работника. Соотношение этих компонентов определяет степень самореализации работника или степень его отчуждения (Gamst, 1995).

Отчуждение наличествует в том случае, когда в процессе труда удовлетворяется не весь спектр потребностей работника. Примером такого отчуждения является труд чисто из экономических соображений, а не ради собственного удовольствия. Самореализация, напротив, понимается как возможность актуализировать в труде максимальное количество присущих человеку потребностей, при этом экономическая потребность в заработной плате не отрицается, а находит свое место в ряду других важных личностных запросов работника. Эти потребности могут быть описаны в рамках системы потребностей Абрахама Маслоу: 1) физиологические потребности в вещах, сне, крове, пище и сексе; 2) потребность в личной безопасности и здоровье; 3) потребность в принадлежности через дружбу, общение, любовь; 4) потребность в признании, уважении, одобрении, признании заслуг; 5) потребность в самореализации через полную реализацию личностного потенциала (Маслоу, 1999, с. 77–105).

Теория А. Маслоу была применена в исследованиях труда несколькими социальными теоретиками, включая Ф. Герцберга и К. Арджириса. Так, Ф. Герцберг исследовал различные характеристики, на основании которых работники оценивали себя в рамках бинарной оппозиции: удовлетворенные – неудовлетворенные трудом (Herzberg, 2008). Первые делали акцент на профессиональном росте, успехах, признании их достижений, ответственности за проделанную работу и дальнейшем продвижении. Вторые акцентировали внимание на некомпетентности руководителей, строгом надзоре, низкой заработной плате и на плохих условиях труда. Эти различные оценки удовлетворенности или неудовлетворенности трудом подтолкнули Ф. Герцберга к созданию двухфакторной теории удовлетворенности трудом и мотивации. Первая группа факторов – это гигиенические факторы: плохие санитарно-гигиенические условия рабочего места, недружественный характер отношений с коллегами, плохое физическое состояние во время работы и низкая заработная плата. Для обозначения гигиенической группы факторов Ф. Герцберг применил аббревиатуру KITA («Kick the person»), которую на русский можно перевести примерно как ПЕПЗ – «Пни его под зад». Это те факторы, которые вызывают недовольство работников. Однако, сам по себе улучшенный гигиенический фактор недостаточен для того, чтобы работники были удовлетворены трудом. Для этого нужна вторая группа факторов – мотиваторы: автономность работника, прояв-

ление самостоятельности в работе, принятие решений, признание заслуг, продвижение по службе, возможность самореализации. Удовлетворенность этой группой факторов способствует уменьшению отчуждения труда. Таким образом, по мнению Ф. Герцберга, гигиенические факторы – это факторы, удерживающие работника в организации: повышение заработной платы, обеспечение жильем, улучшение санитарно-гигиенических условий труда. Мотивирующие факторы (мотиваторы) – это факторы, стимулирующие интерес к работе, повышающие ее эффективность и способствующие самореализации личности работника (Герцберг, 2007; Herzberg, Musner, Snyderman, 1993).

Схожие идеи содержатся в работах К. Арджириса, который считал, что иерархическое и бюрократическое устройство организаций делает тщетным возможное развитие рабочих, их переориентацию от состояния пассивности к активности, от зависимости к независимости, от отчуждения и изоляции к включению и интеграции. Американский исследователь указывает на разрыв, существующий между человеческим потенциалом и условиями конкретного предприятия: в большинстве организаций, промышленных структурах, включая бизнес, присутствуют неудовлетворительные, недостаточные возможности для самораскрытия и самореализации личности работника. Например: возможности для автономности, самоуправления, личной ответственности и возможности роста (Argyris, 1957). В большинстве крупных и наиболее формальных организациях производственные процессы направлены на достижение общих объективных целей, а личные цели в контексте персонального развития работника игнорируются. К. Арджирис указывает на конфликт, который порождает проблемы мотивации работников, а именно: на разрыв между тем, к чему стремятся работники и тем, что им может предложить организация (табл. 1).

Таблица 1

Разрыв между потребностями работников и тем, что им предлагает организация по К. Арджирису

Работники стремятся к:	Организация предлагает:
Саморазвитию Успеху Ответственности Независимости, автономности Участию в принятии решений	Подчинение, зависимость Контроль Обязанности Конфликт

Большое значение при исследовании проблемы отчуждения имеют и технологии. Так, американский социолог Р. Блаунер, исследуя отчуждение как противоположность свободы, является сторонником точки зрения о том, что с развитием технологий отчуждение на производстве уменьшается: там, где доминируют технологии..., «отчуждение находится на минимальном уровне, а свобода работников на максимальном» (Blauener, 1964, с. 182). Р. Блаунер исследовал влияние технологий на уровень отчуждения работников в четырех различных отраслях промышленности: печатной, текстильной, автомобильной, химической. Более всех отчужденными работниками оказались «богаты» текстильная и автомобильная отрасли, так как они имеют массовый и конвейерный тип производства. В связи с этим Р. Блаунер заключил, что хотя влияние новых технологий позитивно, однако степень пользы неравнозначна для различных отраслей промышленности. В целом, выводы и научные наработки Р. Блаунера высоко оценены научным сообществом. В частности, С. Фролов отводит выделенному Р. Блаунером технологическому фактору важную роль в процессе уменьшения отчуждения труда по следующим переменным: 1) Безвластие – Контроль; 2) Бесцельность – Цель; 3) Изоляция – Социальная интеграция; 4) Самоустраненность – Самовключенность (Фролов, 2001).

Оптимистичные прогнозы относительно внедрения технологических инноваций в производство с точки зрения гуманизации труда высказал Алан Турен. По его мнению, инновации выступают в роли факторов, которые должны вернуть человеку его власть над машинами (идея превращения человека в придаток машины была описана еще К. Марксом). Согласно результатам исследования, объектом которого являлись работники фабрики «Рено», вышеупомянутое преимущество (возвращение власти над механизмами) приводило к возрождению энтузиазма в работе (Touraine, 1955). В исследовании принимали участие работники-операторы, следящие за показателями приборов и регулирующие параметры на приборных досках, а также те, кто управляет оборудованием при помощи дистанционных устройств.

Однако стоит отметить, что существует и противоположная точка зрения, согласно которой технологические инновации приводят к деградации труда и дегуманизации работников, а значит, к отчуждению. Ричард Сеннет в «Коррозии характера» рассматривает две различные отрасли производства: инженерно-дизайнерскую и кулинарную и заключает, что технологические

инновации способствуют самореализации тружеников первой отрасли и дегуманизации труда второй. Инженеры-проектировщики получают в свое распоряжение дополнительный инструмент для творчества: новые компьютерные программы позволяют работать с изображениями объектов в трехмерном пространстве, с применением большего количества и качества цветовых вариаций при затрате наименьшего количества времени. Однако для пекарей и кондитеров их работа является настоящим произведением искусства, которая невозможна без мастерского применения ручного труда: он деградирует по мере внедрения инновационных технических механизмов (Сеннет, 2004).

Японский исследователь К. Одака к негативным эффектам внедрения передовых технологий относит: 1) увеличение монотонности; 2) лишение работников свободно устанавливать темп работы; 3) увеличение психического напряжения; 4) деградация способностей рабочих в связи с увеличением простоты и стандартизации выполняемых заданий; 5) увеличение контроля над работниками; 6) усиливающиеся чувства одиночества и изоляции на рабочем месте; 7) увеличение межличностной напряженности; 8) непрекращающееся беспокойство в связи с заменой работников техническими механизмами (OdaKa, 1975, с. 35).

Новейшие исследования обращают внимание не только на технологические инновации, но и направлены на актуализацию необходимости инноваций на социальном уровне организаций – ликвидацию неэффективной бюрократической и иерархической структуры управления предприятием (Vallas, 2001). В контексте данной точки зрения новые рабочие отношения могут быть охарактеризованы скорее как постбюрократические, нежели как постиндустриальные. Ожидается, что инновационная дебюрократизация социальной структуры организаций будет иметь все большее значение по мере внедрения инноваций технологических, так как отличительной особенностью работы в инновационном секторе станет повышение уровня образования работников и их возрастающее участие в жизни предприятия. Это повлечет за собой непрерывную модернизацию предприятий, перманентный процесс роста – то, что Р. Аппельбаум называет «job redesign» (Appelbaum, 2000). Предполагается, что непрерывное изменение социальной и других подсистем предприятий вызвано высокими темпами технического развития и конкуренцией на экономическом рынке, а также необходимостью адаптироваться к ним.

Сходные идеи о модернизации промышленного сектора экономики и предприятий как многовекторном процессе содержатся в работах Л.В. Корель. Изменение социальной, культурной, ментальной, информационной, управленческой, а не только технологической сферы предприятия видятся как необходимые элементы в общем механизме инновационных процессов в российской экономике и в секторе промышленного производства, в частности (Корель, Комбаров, 2010, № 4, с. 167–187).

Таким образом, отчуждение в вышеперечисленных концепциях понимается как результат структурных условий предприятия, его бюрократического устройства и функционирования. Принципиальными характеристиками социальной архитектоники предприятий, которые способствуют проявлению отчуждения, являются такие формы социальной структуры, как централизованность и формализованность (Mottaz, 1981). Централизованность отчуждает труженика от возможности самостоятельно изменять параметры трудовой деятельности и влиять на ход различных процессов на предприятии, влиять на процесс выработки решений. Формализация отражает степень внедрения, применения правил (труда, поведения и т.д.) и строгости их соблюдения на каждом конкретном предприятии. С одной стороны, формализация рассматривается как благоприятное условие труда, обеспечивающее понимание работниками должностных обязанностей и соблюдение определенных стандартов (Organ, Greene, 1986). С другой точки зрения, формализация предстает как принудительная, когда правила и процедуры ограничивают работника в его профессиональной деятельности, не позволяют ему выйти за пределы дозволенного (Morris, Steers, 1980). В частности считается, что жестко формализованные правила и процедуры могут ограничивать мотивационный уровень работников (Hackman, Oldham, 1980).

Исследования, сфокусированные на роли социальных факторов в труде, проводились и в советское время. Тогда отечественные социологи не связывали напрямую эти факторы с понятиями «отчуждение» и «отчужденный труд» (в силу идеологического запрета), однако выводы, к которым они приходили, схожи с концепциями западных ученых (Шкаратан, 1985). Отметчу, что вышеприведённые положения зарубежных ученых, в которых содержатся императивы упразднения отчуждения в современных организациях через дебюрократизацию социальной и управленческой

структуры предприятий, через усиление роли самого труженика в управлении производством, а также через предоставление работнику возможностей творческой самореализации и удовлетворения потребностей, рассматриваются мной как основополагающие для иллюстрации в эмпирической части монографии различных проявлений отчуждения ИТР. Кроме того, эти стратегии предлагаются мной и в качестве сценариев конкретного практического применения данных этого исследования в целях минимизации отчуждения.

1.4. Возможности исследования отчуждения в контексте интерпретативной социологии (феноменологии и символического интеракционизма)

Данный параграф монографии посвящен попытке презентации возможных вариантов теоретического научного анализа феномена отчуждения с позиций феноменологической традиции в социологии и теории символического интеракционизма. Это делается в целях преодоления некоторого детерминизма в изучении отчуждения преимущественно структуралистскими течениями в социологической науке, которые трактуют отчужденного индивида как жертву социальных, исторических и институциональных условий, порождающих его отчуждение. Насущная потребность в использовании положений феноменологии российской социологией актуализирована, в частности Борисом Сергеевичем Сивириновым, который отмечает ретроградную ориентированность отечественных социологических программ на сциентистско-позитивистские схемы западной социологии 30–40-летней давности (Сивиринов, 2000, с. 117–119; 2000). Признавая легитимность традиционных позитивистских подходов в изучении отчуждения, я тем не менее, пытаюсь наметить пути исследования этого сложного явления в рамках феноменологии и символического интеракционизма и тем самым расширить методологическое, теоретическое и эмпирическое возможности изучения отчуждения. На мой взгляд, это могло бы помочь исследователям отчуждения увидеть роль и деятельность самого субъекта в процессе, приводящего к отчуждению и разглядеть то, каким образом сам человек конструирует и определяет ситуацию, которая может быть описана в терминах отчуждения.

ОТЧУЖДЕНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Влияние феноменологии можно проследить в современном экзистенциализме, герменевтике, марксизме, а так же в критической социальной теории. Согласно шведскому социологу М. Бекк-Виклунд в XX веке феноменология оказывала очень большое влияние на значительную часть общественнонаучной мысли (Бекк-Виклунд, 1992). Очевидно, что отчуждение, как крупное социологическое и социальное явление, тоже входит в феноменологический научный дискурс, даже если и не артикулируется последним целенаправленно и конкретно (за редким исключением) не изучается. Если учесть, что изначально феноменология являла собой метод изучения того, каким образом познание создавалось посредством взаимодействия в конкретных жизненных ситуациях как сплав универсального узнавания и специфических черт, то уже здесь можно уловить тот факт, что микроструктуры познания предполагают макроструктуры окружения, и наоборот (Бекк-Виклунд, 1992). Соответственно, любые факторы, мешающие этому механизму узнавания, а таким образом и конструирования социальной действительности деятелем (актором, субъектом), должны пониматься как факторы отчуждения. В рамках феноменологии отчуждение есть результат рассогласованности непрерывного процесса конструирования человеком социальной реальности. Невозможность вступать во взаимодействие с социальным, таким образом, приводит к отчуждению деятеля от макроструктур, данных ему для познания и узнавания в конкретном месте и конкретное время. Важно отметить, что контекст в феноменологической традиции имеет определяющее значение для запуска механизма конструирования и узнавания социальной реальности. Так, например, проблема отчуждения возникает там, где имеет место взаимодействие между представителями различных культур, различных социальных классов, различных габитусов и так далее. Уже исходя из того, что каждый человек истолковывает, воспринимает и конструирует социальную реальность по-разному, отчуждение становится неизбежным. Возможно именно поэтому, понимая разнородность современного глобального мира, а так же степень отчуждения между людьми, культурами, государствами, которые находятся сегодня в постоянном интенсивном контакте, последователь феноменологической традиции Юрген Хабермас предложил метод разговора, дискуссии, как основного метода

преодоления непонимания и конфликтов. В основу этого дискурсивного метода им было положено моральное чувство и принцип признания другого. В общем виде равноправное взаимодействие между индивидами для Ю. Хабермаса возможно в том случае, если действия этих индивидов опираются на некоторую универсальную систему морального сознания. В этом смысле преодоление отчуждения между индивидами и их взаимное признание является результатом функционирования рационального сознания (Хабермас, 2006, 2008).

Если в границах структурно-функциональной теории человек является жертвой социальной структуры, ее беспомощным винтиком, отчужденным от основных социальных институтов и от возможности что-либо изменить, то благодаря Питеру Бергеру, Томасу Лукману в Европе и Гарольду Гарфинкелю и Аарону Сикурелю в США, начинается разработка новой теории, выводящей на первый план деятеля, как строителя социальной действительности. Ему «даруется» возможность действовать, изменять социальную реальность, тем самым, очевидно, уменьшая отчуждение. Выход в свет «Исследований по этнометодологии» (Гарфинкель, 2006) и «Методов и измерений в социологии» (Cicourel, 1964) как раз совпали с таким периодом в социологии, который характеризуется широким недовольством социологов доминирующей позитивистской традиции. Феноменология и этнометодология, рассматривают индивида как «участника», конструктора социальной действительности. Этим подчеркивается, что мы как индивиды являемся соучастниками событий в обществе, а значит, имеем связь с той общей базой знаний, которой обладают индивиды. Механизм преодоления отчуждения, следовательно, как раз и заключается в ориентировке на эту общую базу данных. Через показ того, с чем люди встречаются в действительности, становится понятным, как различные знания, которыми мы обладаем, помогают нам воспринимать окружающее как нечто нам знакомое или чуждое, приводящее к включению в социальную реальность или отчуждению от нее. Таким образом, рутинными обыденными действиями конструируется социальный порядок, который мы узнаем, принимаем или отвергаем.

Однако, чтобы найти вышеупомянутую универсальную базу данных, нужно также уметь описать природу человеческого сознания. Чтобы найти способ показать естественное отношение к миру, Эдмунд Гуссерль предлагает метод «феноменологической

редукции» или «эпохе» (Hughes, Mansson, 1988). Посредством «эпохе» человеку доступно естественное отношение к миру в результате процесса рефлексии над обыденными феноменами жизни. Э. Гуссерль излагает идею существования универсального ядра в человеческом сознании (экзистенциального *эго* или «я»). Благодаря этому ядру индивид узнает и идентифицирует то, что видит, несмотря на то, что большинство получаемых им впечатлений попадают к нему в связанной с определенной ситуацией и особой форме. Важно, что мир жизни не отражен в сознании и *донаучен*, он *предваряет* и философию, и науку, и служит *предпосылкой* для них (Гуссерль, 2000). В этом отношении весь рациональный багаж знаний человека и наука являются в некотором роде чуждыми субъекту, так как само их существование с позиций феноменологии Э. Гуссерля находится под вопросом. А люди, ведущие исключительно рациональный стиль жизни, выступают в роли отчужденных от дорационального и естественного течения жизненного мира. Это отчуждение с социологической точки зрения выражается еще и в отчуждении людей, представляющих различные профессии, области знания (знание как некая ширма между сознанием и реальным миром: «Объективное знание оборвало связи с конкретно воспринимаемым миром жизни. Человек сводится к объекту, и не принимаются во внимание его субъективные способности» (Бекк-Виклунд, 1992, с. 78).

Основополагающее для феноменологии и этнометодологии понятие «жизненный мир» в последствии было развито Альфредом Шюцем, который включает в жизненный мир и будничные действия, и институты, и социально принятые условности, которые конституируются и реконструируются в обыденном, неотраженном в сознании людей поведении (Шюц, 2004). Социолог характеризует это знание знанием первого порядка. Это знание определяется жизненным миром и организовано в идеальнотипических структурах, которые А. Шюц именуется типизациями. Знание второго порядка составляется, напротив, научным пониманием специалистов, при помощи чего обществовед интерпретирует и понимает осознанные здравым смыслом структуры жизненного мира. Как видно, в работах ученого так же явно разделение социальной реальности на два несводимых друг к другу уровня. Таким образом, современный человек, который, следуя мыслям другого выдающегося социолога М. Вебера, вынужден с развитием цивилизации прибегать ко все более увеличивающейся рацио-

нализации повседневной жизни, оказывается раздвоенным и отчужденным. Спонтанности и свободе действия противостоит практически постоянная необходимость в программировании своей деятельности, в придании ей рационального смысла.

Судя по всему, проблема отчуждения, осознаваемая А. Шюцем, на мой взгляд, в других терминах и понятиях, была важной в его научной практике: он часто акцентировал внимание на способности человека общаться и понимать друг друга. А. Шюц исходит из того, что знание жизненного мира, строится на интересубъективном понимании, которое опирается на два принципиальных допущения о восприятии и понимании человеком окружающего мира и друг друга. Во-первых, должна существовать обоюдность перспективы, а во-вторых, смысловая конгруэнтность перспективы (Бекк-Виклунд, 1982, с. 81). Обоюдность перспективы – это допущение, что для того, чтобы разговор между двумя людьми имел смысл, между ними должна быть возможность обмена перспективами. Если такой обмен (в силу культурных, личностных или социальных особенностей и различий) невозможен – наступает отчуждение. Для преодоления этого отчуждения люди должны встать на точку зрения и позицию другого и продолжать быть в состоянии понять друг друга. Например, участники одного общества, одного культурного круга или поля, исходят из представления, что поток событий, предметов, действий и людей имеет то же содержание для других, что и для них самих. Допущение о смысловой конгруэнтности перспективы означает, что обе стороны в разговоре полагают, что они истолковывают ситуацию сходным образом. Важно, что вместо того, чтобы рассматривать вопрос интересубъективности как философскую проблему, А. Шюц рассматривал ее как практическую проблему социологии понимания людьми друг друга, а значит, и как способ преодоления различных видов отчуждения между людьми, вызванного непониманием, нежеланием встать на точку зрения другого.

Феноменологическую традицию развивали П. Бергер и Т. Лукман. В их влиятельной работе «Социальное строение действительности» они излагают попытку создания целостной теории общества и социальной жизни, исходя из той мысли, что общественная действительность в основе своей является социальным произведением человека (Бергер, Лукман, 1995). Встречи людей лицом к лицу формируют социальное. При таких встречах индивид прибегает к различным типизационным схемам, чтобы понять

и интерпретировать другого. И что важно в контексте исследования отчуждения: чем более анонимно и отстранено лицо, с которым человек взаимодействует, тем жестче типизации, к которым люди прибегают («бюрократ», «иммигрант», «бритоголовые»). Сами по себе эти типизации выступают в качестве отчуждающих факторов, которые, по нашему мнению, еще больше разводят индивидов друг от друга. Эти типизации можно рассматривать в шюцевском понимании как знание собеседников друг о друге второго порядка. Рационализация качеств индивида выливается в навешивание ярлыков, которые очень часто не имеют с человеком ничего общего. Последний же впоследствии воспринимается как набор стереотипных описательных конструкций, за которыми не видно всей полноты личности человека и его деятельности.

Феноменологическая традиция была впоследствии продолжена Г. Гарфинкелем. В «Восприятии другого» и в «Исследованиях по этнометодологии» он показывает процедуры интерпретации, к которым люди прибегают, истолковывая в обыденном взаимодействии речь и жесты друг друга (Heritage, 1984). Г. Гарфинкель пишет: «Действия, посредством которых индивиды создают ситуации организованной повседневной деятельности и управляют ими, идентичны процедурам, к которым индивиды прибегают для того, чтобы сделать эти ситуации объяснимыми» (Гарфинкель, 2006, с. 9). Учёный проводит ряд простых опытов, показывая привычные основы каждодневной деятельности. В анализе приведенных им разговоров обнаруживается почва для отчуждения, которое становится возможным в результате непонимания участниками разговора подтекста разговора, правильной интерпретации сказанного, лежащего в его основе социального порядка и правил (социальных структур). Таким образом, неверное истолкование людьми социальных смыслов, обмен которыми происходит в результате каждодневных практик вербального общения, может приводить к социальному отчуждению между участниками социального дискурса:

A: «Как твои дела?»

B: «Какие именно дела? Мое здоровье? Мои финансы? Моя учеба? Душевное спокойствие? Мои...?»

A: (Краснея и внезапно выходя из себя) «Слушай! Я всего лишь хотел быть вежливым! Если честно, ты меня совершенно не интересуешь» (Гарфинкель, 2006, с.54).

Подобные исследования проводил американский социолог А. Сикурель. Его научная традиция характеризуется тем, что он часто форсировал научные границы и манипулировал антропологическими, лингвистическими и психологическими теориями и методами, в результате чего в научном дискурсе крепко обосновалось понятие когнитивной социологии (Schwartz, Jacobs, 1979). Условия толкования сказанного А. Сикурель рассматривает исходя из учений А. Шюца и Г. Гарфинкеля. У А. Шюца он заимствует предпосылки интерсубъективности знаний здравого смысла. Она способствует пониманию между людьми и делает совместную разделяемую культуру и действительность близкой. Напомню, что это обосновывается взаимностью и конгруэнтностью перспективы. Так, когда люди разговаривают друг с другом, то редко говорят все. Вместо этого они полагаются на то, что тот, с кем, они говорят, косвенно «заполняет» то, что остается невысказанным. В разговоре предусматривается общее представление о том, что «является нормальным».

Свои представления об этом А. Сикурель развивает в начале 1970-х годов (Sicourel, 1974). Например, если человек выходит за пределы того, что считается нормальным, это значит, что он выходит за пределы допустимого, которые в интеракционизме могут пониматься как «скобки» определенного фрейма. Выйти за пределы допустимого индивид способен помимо прямых физических действий еще и в своих мыслях, чувствах, в восприятии действительности. Тогда он неизбежно оказывается в состоянии отчуждения, отчуждения от признающей остальные участниками общества единственно-насушной социальной действительности, которая нормальна и понятна для большинства. Автоматически человеку, перешагнувшему границы нормы, приписывается ярлык «ненормальности», болезни, отклонения. Напомним, что первоначально термин «alienatio» и применялся еще в античности по отношению к людям с психическими нарушениями, иными словами, находящимися за границами привычного смысла. Впрочем, весь механизм тоталитарного социального контроля над индивидом и его исключения, через постановку психиатрией различных диагнозов, через обозначение его «ненормальным», «монстром» и так далее был прекрасно описан Мишелем Фуко.

Итак, интерпретация индивидами реальности, в основе своей имеет магистральную линию, общую основу, которая является залогом интеграции общества: «Базовые процедуры интерпретации

схожи с глубинными структурами грамматики; они делают возможным для производителя действия генерировать верные ответы в изменчивых ситуациях, поддерживать структурное сходство. Внешние правила или нормы, отражая это, создают историческую действительность» (Cicourel, 1974, с. 27); поэтому между структурой и нормой постоянно происходит взаимодействие (Cicourel, 1974, с. 32).

ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ В ГРАНИЦАХ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА

Символический интеракционизм также является научной традицией, способной пролить свет на проблему отчуждения, его генезиса, а также возможности преодоления. Самое основное, на что указывает символический интеракционизм – это способность человека владеть языком и интерпретировать знаки. Сама способность говорить делает человека социальным существом. Как сам человек существует в языке, так и его становление происходит в языке. «Когда человек пользуется жизненно важными словами, он осуществляет свое «я»: «я» становится очевидным. Человек говорящий показывает себя в слове, речью подтверждает, что он за человек. Слова решения, признания, обещания любви или ненависти, ложь, свидетельство истины – это экзистенциальная речь, в которой человек становится тем, кто он есть, и проявляет, самого себя... В экзистенциальной речи человек ставит на карту свою вероятную персональность, и он может буквально высмеять ее. Человек и его слова стоят между обезличиванием и приходом к самому себе с собственной личностью» (Берг, 1991, с. 157). Это высказывание указывает на такой вид отчуждения как самоотчуждение человека, а именно отчуждения от самого себя, от своего «я». Причём отчуждения не посредством объективных причин, таких например, как разделение труда или условия труда при капитализме в контексте исследования проблемы отчуждения в марксистской традиции, а посредством внешнего и внутреннего диалога, при помощи речи и языка. Это может быть одной из характеристик отчуждения в рамках дискурса символического интеракционизма. Другим важным аспектом является то, что само формирование человеческого «я» происходит путем отчуждения этого личного «я» от «мы». «Я» человека социально, но само по себе оно формируется путем того, что Дж. Мид называет «взятием на себя роли» или «принятием отношения других к себе самому». Общее (социальное) как бы отчуждается от самого себя, становясь

субъектом, формируя, таким образом, отдельное «я». М. Бубер выражает эту мысль так: «Должно быть, мы другие, прежде чем мы становимся самими собой» (Берг, 1991, с. 161).

Так, и Г. Блумер констатирует, что человеческое общество состоит из индивидов со своим «я». Это означает, что они («я») могут ссылаться на самих себя, когда они имеют дело с явлениями окружающего мира. Это значит, во-первых, что возникают отношения между индивидом и окружающим миром, в котором индивид является создателем. Он придает окружающему миру смысл, мир становится объектом для него. Объект приобретает смысл благодаря индивиду. Таким образом, из этого можно сделать вывод, что индивид создает свои объекты. Например, стихотворение часто имеет разный смысл для разных индивидов. Для одного оно является зеркалом его внутреннего мира, другому оно в корне чуждо и представляет собой описание чуждого ему мировосприятия. Во-вторых, человеческое действие – это скорее конструирование, чем реакция на условия. Наконец, из этого следует, что коллективное действие становится возможным благодаря тому, что индивиды видят сходство своих и чужих индивидуальных действий и соединяют их (иногда успешно, иногда нет) в то, что Г. Блумер называет «обобщенным действием» (Blumer, 1986).

Объявляя, что индивид мыслит и обладает намерениями, интеракционисты констатируют, что общество есть постоянно происходящее взаимодействие между различными действующими индивидами. Таким образом, общество формируется либо посредством включения индивидов в интеракцию, либо посредством отчуждения одних индивидов от других в процессе социального взаимодействия.

По мнению интеракционистов отношение людей друг к другу определяется не тем, чем они являются на самом деле, а тем, чем они являются в представлениях друг о друге. Главную роль в формировании этих представлений играют голос, речь, жесты. Сам голосовой аппарат обеспечивает человека ситуациями. Так, ребенок сам создает такие стимулы с самого рождения (крик, смех), а его воспитатели вынуждены отвечать на них различными способами. Это приводит к тому, что объекты в окружающем мире становятся носителями смысла, они оказываются связанными с тем, что мы называем символами (Mead, 1934). Таким образом, отчуждение может рассматриваться как результат мыслительных операций, интерпретации символов и знаков, которые производят люди при помощи жестов и голоса.

Описание всей научной традиции интеракционизма заняло бы слишком много места, однако, еще одна точка зрения ученых данного направления требует некоторого освещения, так как она имеет прямое отношение к феномену отчуждения. Эта проблема природы человека. Сама по себе теория Дж. Мида о происхождении и развитии сознания представляет собой попытку дать развернутое представление о человеческой природе, в противоположность природе животных, например. Способность человеческого существа, будучи субъектом, видеть себя как объект, коренится в способности к дистанцированию. Дистанцирование – это одно из ключевых понятий в интеракционизме. Дистанцирование является результатом разыгрывания различных ролей в социуме. Причем оно протекает на разных уровнях, которые все время характеризуются увеличением дистанции. Наибольшую дистанцию индивид развивает на завершающей стадии развития, – обобщенного другого, – когда разыгрывание ролей становится безличным и абстрактным. На наш взгляд, этот механизм дистанцирования с полным правом можно назвать синонимичным и процессу отчуждения. Во-первых, это дистанцирование-отчуждение от других членов социума, которые входят в обобщенного другого, а во-вторых, отчуждение личности от самой себя посредством разыгрывания различных ролей, которые могут быть чужды ей. Процесс прирастания масок и подмена ими реального лица человека, тоже является примером такого отчуждения. Трагичность данного вида отчуждения заключена в том, что, поддавшись давлению общества, человек вынужден играть навязанные ему стереотипы поведения, роли и стили жизни. Здесь уместно вспомнить представителя Франкфуртской школы в социологии – Э. Фромма. Тема неотчужденной, истинной, максимально приближенной к природе человека активности проходит через все его творчество под понятием «быть». Быть – это значит открыться миру, жить в соответствии с естественной установкой к миру, а вот стиль жизни под названием «иметь», напротив, приводит к генерированию бесконечного количества масок, и как результат потерю человеком собственного лица, ядра личности (Фромм, 2007).

Среди тех, кто развивал научное наследие Дж. Мида, присутствует крупнейший американский исследователь Ирвинг Гофман. В своей первой книге «Я и маски» И. Гофман говорит, что «намеревается изучать не столько людей и мгновения их жизни, сколько мгновения жизни и людей в них» (Goffman, 1974, с. 1). Это поло-

жение следует понимать в том смысле, что человек определяется ситуацией, социальной игрой, в которую он вступает вместе с другими людьми в каждой данной ситуации. В связи с этим необходимым является вспомнить его центральное понятие – «я сам» (the self). И вот почему. Это «я сам» «как представленный образ роли не является органической вещью, локализованной в особом месте, чьей фундаментальной судьбой является рождение, созревание и смерть; нет, он представляет собой драматический эффект, который возникает в показываемой сцене, и все зависит от того, сочтут ли его достоверным или вызывающим недоверие. Когда мы анализируем «я», мы, таким образом, отвлекаемся от его носителя, от того лица, который более всего выигрывает или теряет на этом, потому что он и его тело – всего лишь та зацепка, за которую некоторое время будет цепляться коллективный на самом деле продукт» (Goffman, 1974, с. 218). Из этого следует, что человек, его «я» по И. Гофману, не более чем образ роли, та маска или набор оных, которые закрепляются за их носителем, и носителем в данном случае оказывается даже не сам человек, личность, а лишь тело и то, что социолог называет лицом. То «я», которое человек видит, рассматривая самого себя – это не более чем представленный образ роли. Что может быть менее гуманно?

В своих поздних работах американский социолог разрабатывает понятие ролевой дистанции (Goffman, 1961): человек во время своих социальных встреч с самого детства генерирует способность отличать свои разнообразные роли от себя самого. Он отчуждается либо от своих ролей (роли) и представляет собой то, что он есть, либо он отчуждается от себя самого и приступает к социальному лицедейству. Такой ход мыслей поддерживается следующей парой понятий – честный и циничный актер. И хотя И. Гофман не морализирует (что свойственно его социологии), первое понятие означает человека, который не осознает, что играет роль, и идентифицирует себя с ролью, в то время как циничный актер ясно понимает, что он играет роль, и что он не идентичен этой роли. Честный актер – это отчуждённый индивид, который идентифицирует себя с ролью и масками, в то время как циничный актер осознает дистанцию между собой и ролями, которые ему приходится играть.

Одной из наиболее разработанных областей применения символического интеракционизма стало отклоняющееся поведение.

Прежде всего, подобные исследования опирались и опираются на так называемую теорию штампов (Becker, 1963). Согласно последней, сделать человека отклоняющимся можно, назвав его таким. Возможно, отклонение – это не свойство личности, но процесс: «Отклонение изначально не является свойством действия, которое совершает лицо, но скорее следствием того, что другие применяют по отношению к «грешнику» правила и санкции. Лицо с отклонениями – это человек, на которого сумели наклеить этот ярлык: отклоняющееся поведение – это поведение, которое люди называют таковым» (Hewitt, 1981, с. 231). Большое значение здесь имеет властный аспект: «Отклонение – это название, которое мы даем игре конфликтов, в которой индивиды или слабо организованные малые группы, обладающие малой властью, опасаются хорошо организованного, значительного меньшинства или большинства, обладающего большой властью» (Hewitt, 1981, с. 234).

1.5. Феномен отчуждения в дискурсе постмодернизма и объектно-ориентированной социологии

ОТЧУЖДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА ТЕОРЕТИКОВ ПОСТМОДЕРНИЗМА В СОЦИОЛОГИИ

Начиная с 60 гг. XX века, проблема отчуждения приобретает новое звучание. Это было связано с формированием новой, прежде всего в странах Западной Европы и США, общественной системы. Под влиянием радикализма, особенно во Франции, сложился новый интеллектуальный истеблишмент, мыслящий в рамках постструктурализма и постмодернизма (Kellner, 1989). На первый план вновь выходит проблема свободы человека, а точнее её отсутствия во всех сферах общественной жизни: экономической, политической, интеллектуальной, культурной, сексуальной, правовой. В связи с этим были предприняты колоссальные по своей напряженности и глубине переосмысления работ Карла Маркса и Зигмунда Фрейда. Вновь дает о себе знать проблема подавленности, раздвоенности, ничтожности, беспомощности, одиночества современного человека, иным словом – проблема отчуждения.

Сюда же стоит добавить новые трудности, связанные с массовым распространением наркотических веществ, зарождением индустрии развлечений, с возможностями безграничного потребления, развитием массмедиа, а так же индустрии моды. Рефлексируя

по поводу этих социальных трансформаций, социальные теоретики того времени концептуализировали новую фазу социума по-разному. Так, Жан Бодрийяр назвал это новое социальное пространство «обществом потребления и гиперреальности», в то время как другие, например Жак Эллюль, именовали его «технологическим обществом»; также это «общество спектакля» Ги-Эрнста Дебора; «бюрократическое общество, управляемое потреблением» в интерпретации Генри Лефевра. Во многом эта новая интеллектуальная волна того времени опиралась на проводимые Роланом Бартом исследования в области нового потребления и медиакультуры, которые получили идейное оформление в одной из его фундаментальных работ – «Мифологии». Находясь под влиянием французского семиолога Фердинанда Де Соссюра, призывавшего изучать «жизнь знаков в обществе», Р. Барт анализирует способы мифологизации развлечений, моды, поп-культуры и массмедиа, которые трансформируют «маленькую буржуазную культуру в универсальную природу» общества (Roland, 1962, с. 9). Он рассматривает этот процесс как намеренный способ стереть, завуалировать исторически и экономически обусловленный классовый конфликт.

Эти лингвистические теории получили свое развитие в исследованиях различных дискурсов, социальных институтов и культуры в границах европейского структурализма. Они представлены от структурной антропологии Клода Леви-Стросса до структурного психоанализа Жана Лакана; от структурного марксизма Луи Альтюссера до теорий текстуальности и деконструкции Жака Дерриды. Эти новые структуралистские теории фокусировали внимание на языке, репрезентации и важности в повседневной жизни разнообразных дискурсов, визуальных изображений и кодов. Основываясь на структурной лингвистике Де Соссюра, семиологические теории языка уделяет главное внимание проблеме отношений между языком и реальностью, словом и вещью. Де Соссюр рассматривал лингвистические символы как отношение обозначающего (акустический либо визуальный компонент) и обозначаемого (концептуальный компонент, то, на что указывает обозначаемое). Например, утверждение «сегодня небо синее» (обозначаемое), указывает на небо у нас над головами (обозначаемое), а так же указывает на специфичность того, что небо именно синее, выявляя различие от возможного облачного, серого или ночного неба (Kellner, 1989, с. 3).

ОТЧУЖДЕНИЕ В ТРУДАХ ЖАНА БОДРИЙЯРА

Признанным мэтром социологической мысли, занятой обществом потребления, массовым обществом постмодерна, является Жан Бодрийяр. На основании его работ можно однозначно сделать вывод о потере человеком двадцатого столетия, а так же человеком миллениума свободы, отчуждении от возможности определять свою жизнь и свою социальную судьбу, полную утрату человеком себя и превращении социума в имплозивную массу. Наиболее радикальной выглядит мысль французского ученого о смерти социального и конце истории (который находится в процессе перманентной симуляции). Полагаю, что концепция смерти социального имеет много общего с тем, что раньше рассматривалось социологией (Ф.Тённис, В. Зомбарт) как потеря человеком истинно человеческих качеств, таких как забота, честность, понимание, сопереживание и т.д. Всему этому на смену в современном обществе приходит чистая, рафинированная коммуникация.

Особое место в творчестве учёного занимает теория симулякров и гиперреальности. Проводником и «фабрикой» симулякров как единиц гиперреальности являются СМИ, а также современные компьютерные, виртуальные и медийные технологии. Общественное мнение, деньги, труд (который больше не производит), власть (которая больше никого не представляет) – единицы исключительного символического порядка (J. Baudrillard, 1994). Такое общество можно назвать отчуждённым от реальности, так как оно функционирует на основе знаков, символов, явлений, которые являются чистыми «значениями в себе», не отсылают к реальным объектам или процессам, а также потому, что всё больше современный человек воспринимает реальность как поток визуальных образов (телевидение, интернет и т.д.). Виртуальные социальные отношения тоже представляют собой отчуждённую форму общения, являются чистой коммуникацией посредством восприятия звука и изображения. В качестве примера гиперреальности Ж. Бодрийяр приводит изображение глаза на экране телевизора, мельчайшие подробности и гигантское изображение которого противоречат нормальному восприятию глаза в реальной жизни. Сами симулякры классифицированы французским исследователем на три группы, каждая из которых характеризуется меньшей либо большей удаленностью от реальности.

Новосибирские социологи Л.В. Корель и В. Комбаров, используя положения о природе гиперреальности и симулякрах, на основании проведенного ими исследования, приходят к выводу о том, что российская государственная промышленная политика в период всемирного экономического кризиса представляла собой именно симулякр третьего порядка – феномен, представленный исключительно в виде потоков слов, изображений, символов. Так, по мнению руководителей промышленных предприятий активно декларируемая в СМИ, государственная промышленная политика по ликвидации экономического кризиса, была, тем не менее, крайне слабо представлена и реализована в реальности (Корель, Комбаров, 2010, с. 65–80).

В данной монографии виртуализация и гиперреализация жизни и общества рассматривается мной как новый (западный) вид отчуждения, который активно проникает в жизнь российского общества в последние два десятилетия.

Начинает своё критическое наступление на общество постмодерна французский социолог с релиза своей первой книги «Система вещей» (Baudrillard, 1968). Уже в этой работе в полной мере звучат интонации об утрате человеком двадцатого столетия социального, то есть действий людей, направленных друг на друга. Все интенсивнее вещи, вклиниваясь в социальную жизнь, отчуждают людей, заполняя своей искусственностью социальное пространство. С развитием общества потребления или общества постмодерна, всякая относительно социальная активность человека направлена на вещи. Будь то автомобиль, холодильник, сверхфункциональный гаджет или функциональный шкаф, именно они теперь формируют общество, организуют социальное пространство и определяют стиль жизни человека постмодерна. Важным и ценным является лишь комфортное потребление и сервис. Ценность вещи во многом определяется аурой, которую она вокруг себя создаёт. Первый проект Ж. Бодрийера «Система вещей» выполнен в границах объектно-субъектной диалектики, при которой субъект (человек) стоит перед безграничным миром объектов, которые привлекают его, очаровывают, соблазняют и управляют его мыслями, восприятием и поведением. Человек оказывается бессильным, он очарован и околдован, а значит и подавлен и отчуждён, выступает объектом манипуляции. Функциональным и сверхфункциональным объектам учёный противопоставляет нефункциональные объекты (например, классический обеденный

стол с абажуром над ним), которые по-иному структурировали социальное пространство, побуждая людей вступать в интеракции и культивировать социальное. В общем, Бодрийяр описывает систему объектов как систему предметов потребления, формирующих общество потребления, и фокусирует свое внимание на описании типов систем объектов потребления в контексте продолжающегося развития капитализма. В некоторых местах книги Ж. Бодрийяр поднимает вопрос о том, является ли эта новая система объектов результатом успешного производства, технических возможностей или психологических проекций, либо общим их результатом, который является двигателем все увеличивающегося количества предметов и их потребления (Baudrillard, 1968, с. 175, 240). Обращая внимание на этот момент – стремительно увеличивающееся количество предметов и разветвляющуюся структуру потребления и ее объектов, – он возвращается к Марксу и его теории революции. По мнению социолога постмодерное общество и революция интегрированы в систему друг друга: «Всё движется, всё меняется, всё трансформируется и по-прежнему остается неизменным. Такое общество, брошенное в технологический прогресс, достигает всех возможных революций, но революций в себе. Его растущая производительность не приводит ни к какому структурному изменению» (Baudrillard, 1968, с. 217).

Во второй своей знаковой работе «Общество потребления», а так же более поздних, таких как «Молчаливое большинство», «К критике политэкономии знака», «Забыть Фуко» и «Америка» Бодрийяр продолжает теоретические и эмпирические исследования объектов и активности в новом мире общества потребления и техники. В них уже более четко прорисована сама природа и структура постмодерного общества досуга и потребления. В своем изложении он идет в одну ногу с такими современными ему теоретиками, как Ги Дебор, Маршал Маклюэн, Эдгар Морин, Дэвид Райсман, Торстейн Веблен и другими. Именно эти фамилии мы находим в библиографическом списке его книги (Baudrillard, 1970, с. 317–318). Анализ касается средств массовой информации, сексуальности и досуга и, что важно, «заканчивается некоторыми серьезными наблюдениями относительно природы современного отчуждения» (Kellner, 1989, с. 12). Так, исследовательский проект Бодрийяра приходит к выводу, что отныне система объектов коррелирует с системой желаний, а точнее, становится манипулятив-

ной и репрессивной по отношению к механизму выработки мотивов и желаний человека, «гомогенизирует их и реорганизовывает, таким образом, повседневную жизнь» (Baudrillard, 1970, с. 25). Он подвергает критике американского теоретика Гэлбрейта, который видел в потреблении естественное удовлетворение человеческого эго, и заявляет, что это ложная свобода, а точнее несвобода, обусловленная манипуляцией над человеческими потребностями. Последние он называет «фальшивыми» и искусственными, сфабрированными медиа и рекламой. По сути, здесь мы становимся свидетелями того, как Бодрийяр добавляет к политэкономии Маркса культурное, а точнее, социо-культурное измерение, и сеет семена только еще оформляющейся теории политэкономии знака: обмен кодами выступает как «аномия в обществе изобилия» (Baudrillard, 1970, с. 278).

Исследуя общество потребления, Ж. Бодрийяр так же приходит к выводу о том, что «принципом и целью потребления не является наслаждение... последнее сегодня принудительно и утверждается не как право или удовольствие, а как долг гражданина» (Бодрийяр, с. 109). В этом смысле человек оказывается закабалённым повсеместным принципом потребления, потребление в наше время содержится в каждом социальном, психологическом и т.д. акте индивида. Парадокс, но под натиском консюмеризма современный человек испытывает отчуждение от наслаждения: «...потребление определяется как исключение из наслаждения. Социальная логика системы потребления включает отказ от наслаждения. Наслаждаются для себя, но, когда потребляют, никогда не делают этого в одиночестве (это иллюзия потребителя, тщательно поддерживаемая всеми идеологическими рассуждениями о потреблении), а входят в обобщенную систему обмена и производства закодированных ценностей, куда, вопреки им самим, включены все потребители» (Бодрийяр, 2006, с. 108).

Отсюда (в дополнение к концепту отчуждённого труда К. Маркса) вытекает идея об отчуждении в противоположной труду сфере – сфере потребления: «Современный человек проводит все менее и менее свою жизнь в труде на производстве, а все более и более он проводит ее в производстве и непрерывном обновлении своих собственных потребностей и своего благосостояния» (Бодрийяр, 2006, с. 110).

Современное отчуждение Ж. Бодрийяр называет концом сделки с дьяволом. Так, на примере двух европейских художе-

ственных произведений он описывает свое видение современного нам отчуждения: один из них – немой, экспрессионистский фильм 1930-х гг. «Студент из Праги». Другой – повесть А. Шамисо «Петер Шлемиль, человек, который потерял свою тень». В «Студенте из Праги» речь идет о бедном студенте, который за деньги продает дьяволу своё изображение в зеркале. Дьявол вытаскивает образ из зеркала, как гравюру или лист копировальной бумаги, скатывает ее и кладет в карман. Студент, благодаря деньгам, идет по жизни легко, от успеха к успеху. Но однажды он замечает своего двойника и перестает видеть свое изображение в зеркале. Этот двойник есть проданный дьяволу образ, воскрешенный и приведенный в движение. Опасаясь того, что их увидят вместе, студент избегает появляться на публике и пренебрегает всяческим общением. Образ преследует студента с целью отомстить ему за то, что был в свое время продан. В отсутствие студента оживший образ занимает его место в социальной реальности и творит насилие. Для студента больше не существует общественной жизни, приемлемого существования. В отчаянии он отчуждается даже от искренней любви, которая встретила его, и решается, чтобы покончить со всем этим, убить свой образ. В результате схватки они оба оказываются перед зеркалом, из которого вышел образ. Студент стреляет в зеркало, оно разбивается, а двойник, вновь став фантазмом, каким он и был, исчезает. Но в то же время студент умирает, ибо убив свой образ, он убивает именно себя, так как незаметно образ стал живым и реальным, заняв его место. Однако в предсмертной агонии он видит свое отражение в зеркале, он снова может видеть себя. Так, ценой утраты своего физического тела студент все же обретает свое нормальное состояние. Ж. Бодрийяр так комментирует этот фильм с точки зрения феномена отчуждения: «Зеркальный образ является здесь символом наших действий, которые создают вокруг нас мир соответственно нашей сути. Поэтому отделение образа от его источника оказывается символом, знаком того, что мир становится смутным, что наши действия от нас ускользают, и мы лишаемся тогда перспективы в отношении самих себя. В этом случае нет больше приемлемого тождества: я становлюсь для себя самого другим, я отчужден» (Бодрийяр, 2006, с. 236).

Общий вывод французского социолога относительно отчуждения выглядит крайне не утешительно: «Всякое идеальное решение о преодолении отчуждения отброшено сразу. Отчуждение

не может быть преодолено: оно представляет саму структуру сделки с Дьяволом. Оно есть сама структура торгового общества» (Бодрийяр, 2006, с. 239).

В текстах Ж. Бодрийяра заметен явный прогресс от марксовской трактовки отчуждения, детерминированного условиями производства и функционирования капитала, до понимания отчуждения, связанного с политэкономией знака, а также потреблением. Потребление смещает производство с его центральных позиций, теперь именно оно определяет социальное поведение и отчуждение.

ГИ ДЕБОР ОБ ОТЧУЖДЕНИИ

Схожие идеи об обществе постмодерна и свойственном ему отчуждению присущи Ги-Эрнсту Дебору. Согласно ему, современное общество является глобальным шоу, в котором все виды социальной деятельности (власть, политика, знание, общественные движения и т.д.) имеют форму представления, не связанного с подлинной реальностью. В 1967 году Ги Дебор издал свой фундаментальный труд «Общество спектакля», в котором подверг критике современный капитализм, усиление роли СМИ и индустрии развлечений в жизни современного общества, а также государственный капитализм, проявивший себя в СССР и Китае. Основопологающей является мысль исследователя о том, что все, что раньше переживалось непосредственно, теперь отчуждается в представление. Таким образом, мы имеем раздвоенную и расколотую реальность, а значит и раздвоенного, отчужденного человека. На первых страницах своей работы Ги Дебор пишет, что спектакль, оборачивающий реальное, в действительности является произведенным. В то же время переживаемая действительность материально заполняется созерцанием спектакля и в себе самой воспроизводит зрительный порядок, придавая ему позитивное обоснование. Объективная реальность предстает с двух сторон. Каждое понятие, подобным образом закрепленное, основано лишь на переходе в противоположное и, таким образом, действительность возникает в спектакле, а спектакль является действительностью. Это взаимное отчуждение есть сущность и опора существующего общества (Ги Дебор, 1998).

По Ги Дебору отчуждение при капитализме не ограничивается отчуждением труда. Параллельно Ж. Бодрийяру он констатирует вступление капитализма в фазу общества потребления (общества спектакля): «Сфера обладания отсюда расширяется в той мере, в

какой само это обладание становится все более и более фиктивным» (Ги Дебор, Wikipedia). Однако капитал на этом не останавливается: если раньше в его состав входили средства производства, денежные активы и другие «физические» блага, то теперь капитал поглощает в себя образы, рождаемые СМИ, и информацию. Эта монополизация, по Ги Дебору, окончательно лишает человека права свободного суждения. Свободное общение сменяется односторонним диктатом СМИ. Внешний характер спектакля по отношению к человеку проявляется в том, что его собственные поступки принадлежат уже не ему самому, но другому – тому, кто ему их представляет. Вот почему зритель нигде не чувствует себя дома, ему все чуждо, ибо повсюду – спектакль (Ги Дебор, 1998).

Ги Дебор разделяет два вида спектакля: распыленный, присущий странам капиталистического Запада, и концентрированный: проявивший себя в СССР и Китае. Разница между ними заключается в способах воздействия. Концентрированный спектакль государственного капитализма отличает нетерпимость ко всякой, даже виртуальной свободе слова, более сильным репрессивным аппаратом, однако в меньшей степени фетишизацией товарного производства. Перед своей смертью Ги Дебор высказал идею о том, что крушение СССР и становление рыночной экономики приведет к торжеству нового вида спектакля – интегрированного, который будет совмещать в себе диктат потребления и сильный репрессивный аппарат. Последователи Ги Дебора считают, что интегрированный спектакль реализовал себя в полной мере в США, после терактов 11 сентября. Полагаю, что интегрированный спектакль имеет место быть и в современной России, так как с одной стороны, сохраняется прежний, присущий советскому обществу сильный репрессивный аппарат, а с другой стороны, он дополняется фетишизацией системы вещей в обществе потребления.

Все основные идеи и проекты Ги Дебора вылились в создание им уникального научного и общественного течения – ситуационизма, в котором предпосылкой социальной революции объявлялась революция сознания. Поскольку индивидуальное сознание детерминировалось общественной и культурной ситуацией, ситуационисты сосредоточились на создании контркультуры и контркультурных ситуаций. Среди основных теоретиков ситуационизма можно выделить Ивана Щеглова, Питера Макгрегора, Рикардо Гутьерреса, Джузеппе Пино-Галицио.

ОТЧУЖДЕНИЕ В РАБОТАХ ЖАКА ЭЛЛУЛЯ

Еще одним крупным исследователем общества постмодерна, либо как он сам его называет «технологическим обществом», является французский социолог Жак Эллиуль. В его работах, так же как и в исследованиях Жана Бодрийяра и Ги Дебора, основополагающей идеей выступает идея о тотальной подмене реального мира миром кажущимся (созданным современными технологиями), который в свою очередь сформировал особый тип сознания человека. Жак Эллиуль, раскрыв в ряде своих работ («Пропаганда», «Политическая иллюзия») механизм идеологического манипулирования, ввел понятие «социологическая пропаганда», под которой подразумевается деформирующее воздействие технологий на сознание людей через образ жизни, через символику и социальное окружение. Современное ему общество он называет мега-машиной, в котором люди являются отчужденными марионетками, деформированными в погоне за прогрессом и рационализацией жизни, придающие человеку и социуму черты кажущегося изящества и эффективности, которые продуцируются рациональностью. В одной из своих книг он пишет следующее: «Это – абсолютное отчуждение, которое позволяет человечеству достигать совершенства. Человек должен быть сведен до марионетки (а общество до машины), чтобы обрести совершенство и эффективность. Таким образом, чтобы достигнуть этого в полной мере – моральный или социальный человек должен быть в таком государстве деиндивидуализирован, фактически должен отсутствовать» (Ellul, 1973).

В отличие от позитивно настроенных социологов, Ж. Эллиуль придерживался мнения о том, что социальный прогресс представляет собой неумолимое порабощение человека технологией и поглощение личности массовым потребительским, все более регламентированным обществом; полагал, что ради материальных благ, приносимых наукой и техникой, люди жертвуют индивидуальной свободой и духовными ценностями. При этом развитие техники сопровождается вытеснением гуманистических целей техническими средствами достижения эфемерного господства человека над природой: «У жизни в такой окружающей среде нет никакого значения. Посмотрите на наш общественный транспорт, в котором человек не более чем оболочка; на наши больницы, в которых человек лишь номер, число. А мы по-прежнему называем это прогрессом... Бесплезно протестовать против капитализма. Не столько капитализм создал этот мир, сколько это сделали машины» (Ellul, 1967, с. 5).

В некотором смысле Ж. Эллюля можно назвать представителем «технофобизма». Страх перед технологиями, компьютеризацией и глобализацией вызван опасениями относительно захвата машинами (технологиями, компьютерами, кибернетическими механизмами, искусственным разумом и т.д.) главных позиций в социуме, перед которыми человек будет абсолютно беззащитен и над которыми он потеряет контроль. В этом и выражаться тотальное отчуждение человека от того, что является результатом его труда и затем становится человеку недоступным и даже угрожающим по отношению к нему самому (детище-машина убивает своего человека-отца). Многие из прогнозов Ж. Эллюля сбылись: достаточно вспомнить об экологических и ядерных катастрофах сегодняшних дней, к которым привёл прогресс технологий. Это и загрязнение, и парниковый эффект, клонирование, а так же, висящая как Дамоклов меч над современным социумом, угроза ядерной катастрофы и полного уничтожения человечества. Потеря контроля над процессом технологического «развития» и характеризует современное отчуждение человека, при котором он уже не властен изменить что либо, а выступает в качестве беспомощной жертвы запущенного им процесса производства технологий. По-настоящему угрожающе (и, стоит заметить, пророчески), звучат его слова о том, что «Знание будет накоплено в «электронных банках» и перенаправлено непосредственно к человеческой нервной системе посредством закодированных электронных сообщений. Больше не будет никакой потребности в чтении или изучении информации; все будет получаться и регистрироваться согласно потребностям насущного момента. Не будет никакой потребности во внимании или усилении. То, что необходимо, направится непосредственно от машины в мозг, минуя сознание» (Ellul, 1967, с. 434). Пессимистичные прогнозы частично обрели свое существование: медиа сети, интернет и различные аудио – и видеогаджеты, контактирующие с человеческим телом (через руки, уши, глаза, порою эрогенные зоны) при помощи проводов, сенсорных дисплеев, кнопок и консолей. Согласно Ж. Эллюлю, всему этому развивающемуся и превращающего человека в марионетку массиву устройств и технологий, будет способствовать «международная тотальная диктатура, которая предоставит технике ее полную власть и пространство» (Ellul, 1967, с. 433). В этом плане французскому социологу близки идеи немецкого коллеги М. Вебера об отчуждении, к которому приводит тотальная рационализация жизни.

За свои социологические изыскания в 1975 году Жак Эллиуль был награжден Европейской премией Шарля Вейонна (фр. Le Prix Européen de l'Essai Charles Veillon). Эта премия была учреждена в память о швейцарском меценате Шарле Вейонне и присуждается Фондом его имени за произведение или совокупность творчества, которое имеет ценность свидетельства и предлагает образец плодотворной критики современных обществ, их идеологий и образа жизни. За пределами академического научного дискурса Ж. Эллиуль оказал колоссальное влияние на массовое сознание, свидетельством чего стало создание голливудских сиквелов «Терминатор» и «Матрица», которые полны его идей о господстве машин, беспомощности человека перед веком компьютеризации, информатизации и искусственного интеллекта.

ВЛАСТЬ И ОТЧУЖДЕНИЕ В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

По-новому, с позиций постмодернизма, интерпретируется проблема отчуждения, как неотъемлемого результата воздействия власти на человека. Однако, если для классической социологии, в её веберовской версии в частности, к отчуждению приводят увеличивающаяся рационализация и разрастание бюрократического аппарата, то для такого метра французской постмодернистской волны, как Мишель Фуко, центральное место занимают уже практики микро-власти и власти-знания. Таким образом, отчуждение в своей постструктуралистской интерпретации является результатом каждодневных социальных взаимодействий в условиях общества, власть в котором является диффузной. Субъектом власти, её проводником отныне выступает в принципе окружение человека (семья, школа, больница и так далее). Общество, устроенное по принципу паноптикума, «всеподнадзорности», является той силой, которая генерирует самоотчуждение человека, отчуждает его от свободы, самовыражения, саморазвития (Фуко, 1991).

В наиболее сильной и выразительной форме данные идеи получили своё развитие в эпохальном труде «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения» Жюль Делеза и Феликса Гваттари. В представлении авторов, человек в условиях современного общества являет собой совокупность «производящих машин», в некотором смысле «монстра», который отдаёт, отчуждает свою либидинальную энергию в пользу всеобщей антропологической машины, общества (Делез, Гваттари, 2007). Основными сферами, перехватывающими потоки либидо, являются производство (труд) и семья. При этом индивиду-

альное отчуждение они приравнивают к социальному, ставят между ними знак равенства. Показательно, что предисловие к книге написано М. Фуко, который призывает на его страницах к борьбе с современным фашизмом, то есть в принципе с любым проявлением контроля и принуждения в современном обществе.

Стоит отметить, что позиция М. Фуко, Ж. Бодрийера, Ф. Гваттари, Ж. Делёза в целом зачастую рассматривается как провозглашение смерти субъекта, понятие, переводя которое на язык отчуждения, означает самоотчуждение индивида. Так, если М. Фуко зачастую именуют клиницистом современности, то Ж. Бодрийера можно назвать патологоанатомом современного общества.

ОТЧУЖДЕНИЕ КАК НЕИСТРЕБИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНЦЕПЦИИ ЖАКА ЛАКАНА

Свою собственную теорию отчуждения, претендующую на универсальность в описании этого феномена, предложил еще один теоретик и практик постмодерна в его психоаналитической версии Жак Лакан. На своих знаменитых семинарах Ж. Лакан определил необходимость исследований отчуждения весьма просто: «Отчуждение это – помилуйте, оно сегодня повсюду. Чтобы мы ни делали, отчуждение между нами все возрастает – это касается и экономики, и политики, и психопатологии, и эстетики, да чего угодно. Не худо, поэтому, найти его, отчуждения этого, корни» (Лакан, 2004). За кажущимся наигранно ироничным слогом Ж. Лакана, стоит серьезная теоретическая разработка концепции отчуждения, которая опирается на теоретические положения о дихотомии «обозначающее – обозначаемое». Отношения между обозначающим и обозначаемым и есть тот центр, из которого происходит, формируется и расширяется поле дискурса отчуждения Ж. Лакана. Вот что он говорит по этому поводу: «Происходящее между субъектом и Другим артикулируется как процесс циркуляции: процесс, в котором субъект, призванный к Другому – в связи с тем, что увидел, как появляется в поле Другого он сам, – возвращается от Другого назад. Процесс этот действительно круговой, но природа его такова, что взаимности между сторонами в нем нет. Будучи круговым, он не симметричен» (Лакан, 2004, с. 221). В основе этой несимметричности и заложено зерно отчуждения. Лакан показывает, что за этой несимметричностью стоит, так называемый им, «летальный фактор» (Лакан, 2004, с. 227), или если воспользоваться терминологией Жоржа Батая – фермент

(назовем его ферментом отчуждения). «В основе этой структуры лежит то, что я назвал некогда функцией разрыва» – говорит Лакан (Лакан, 2004, с. 220). Добавляя и развивая свои мысли, французский исследователь приходит к выводу о том, что отношения субъекта с Другим целиком зарождаются в процессе разрастающегося зияния (Лакан, 2004, с. 221), иными словами, той «социальной раны», которая непременно образуется, как только субъект и Другой вступают во взаимодействие.

ОТЧУЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО ПОСТМОДЕРНА ЗИГМУНДА БАУМАНА

Одним из ныне живущих и, пожалуй, наиболее активно пишущих социологов-постмодернистов, является Зигмунд Бауман. Его творчество являет собой пример критической бомбардировки современного общества, которое сквозь призму его работ предстает как жидкое, текучее, непредсказуемое, индивидуализированное и пораженное конsumerизмом. Человек в условиях такого жидко-современного общества является человеком без качеств, полым, иными словами – отчужденным. В этом смысле З. Бауман, следует общей гуманистической традиции в социальных науках и рассматривает отчужденного человека, как существо, потерявшее свою истинную человеческую сущность. Неслучайно во вступлении к одной из своих известных книг «Жидкая любовь» польский социолог приводит в пример случай Ульриха – главного героя романа Роберта Музиля «Человек без свойств», – и называет действующих лиц этого произведения прототипами современных людей, самоотчужденных и потерянных (Bauman, 2009).

Одним из основных условий современного общества отчуждения по З. Бауману является то свойство современной жизни, которое характеризует её как *жидкую*: «*Жидкая жизнь и жидкая современность* глубоко взаимосвязаны. *Жидкий* – это тип жизни, которая протекает в жидко-современном обществе. Общество может быть определено как «жидко-современное» если ситуации, в которых действуют люди, изменяются прежде, чем способы реагирования на них успевают закрепиться в привычках и поведении» (Bauman, 2009, с. VII). Сама по себе жидкая жизнь, как и жидко-современное общество, не в состоянии сохранить свою собственную форму в течение продолжительного времени. Из этого вытекает, что в подобных условиях индивиды не имеют возможности предвидеть в должной степени результаты своих действий, предугадать результаты тех событий, в которых они принимают участие.

«Активность трансформируется в пассивность, а способность в беспомощность» (Bauman, 2009, с. VII). Стоит напомнить, что именно беспомощность, бессилие (powerless) является основным модусом отчуждения в классификации отчуждения Мэлвина Симена.

Интерпретируя жизнь современников с позиции феномена жидкого общества, З. Бауман постулирует и жидкий характер такого социального явления, как страх. Для него наиболее опасный страх, это страх диффузный, всепроникающий, неясный, страх без какой либо ясной причины (Bauman, 2008). Такой жидкий страх является результатом неуверенности, риска, неопределенности существования в современном обществе непрерывных флуктуаций. Когда опасность может нагрянуть в любое время и в любом месте, страх становится тотальным, перманентным и заставляет людей находиться в состоянии постоянной тревоги. Важно отметить, что основной предпосылкой жидкого страха становится риск быть исключенным, отчужденным из сферы социальных отношений. Для того, чтобы поддерживать свою включенность в общество человеку приходится приспосабливаться к нему постоянно, так как скорость протекания социальных процессов в жидком обществе поистине велика. Именно поэтому, по мнению З. Баумана, сегодня так велика та роль, которая отводится модернизации. Потребность в обновлении, соответствии современным стандартам, становится навязчивостью, однако и неременным условием сохранения статуса включенности в поток социальных изменений.

Большая скорость протекания социальных процессов, неуверенность, страх, накладывают свой отпечаток и на взаимоотношения людей. Так, любовь для З. Баумана тоже сегодня является жидкой. Основаниями для того, чтобы рассуждать о ней в подобных «эпитетах» выступают непродолжительность контактов между партнерами, хрупкость связей, отношение к другому, как объекту потребления (Bauman, 2009). В процессе перманентной модернизации своей жизни, современный человек модернизирует и сферу своей интимной жизни, зачастую применяя для этого соответствующий жидкому обществу способ – частую смену партнера. Все это является результатом, в частности, увеличивающегося процесса медиатизации общества. Распространение всевозможных гаджетов, интернета, видео- и аудиотехнологий высокоскоростной передачи данных, расширяет круг потенциальных партнеров практически до бесконечности. Все большую значимость в жидко-современном обществе приобретает принцип «быть на свя-

зи» (используя компьютер, сотовый телефон и т.п.), нежели находится в продолжительных и прочных отношениях с партнером, которые подвержены риску и недолговечны. Для того, чтобы прервать знакомство «достаточно нажать на кнопку» – пишет З. Бауман (Bauman, 2009, с. 87). В современных медиатизированных обществах подобная скорость смены партнеров выглядит головокружительной. В медиaprостранстве «всегда существует возможность вступить в контакт с другими, следовательно, не так важно, сколько из этих контактов могут оказаться хрупкими и быстротечными» (Bauman, 2009, с. 83). Однако, как замечает социолог, количество партнеров, в частности виртуальное, не заменяет глубины, продолжительности и смысла традиционных отношений. Последние, по мере развития жидко-современного общества уходят в прошлое, оставляя после себя «массу изолированных индивидов – рой (улей), если быть более точным» (Bauman, 2009, с. 84). Употребляя слово «рой (улей)», З. Бауман, судя по всему, иронизирует по поводу сложившейся ситуации, отсылая читателей к словосочетанию «сотовый телефон» (пчелиный улей состоит из сот). Таким образом, рой человеческого сообщества, предстает в виде изолированных, отчужденных индивидов, производящих бесконечное жужжание сотовых телефонов.

Отмечу, что отчужденное общество З. Баумана, характеристиками которого являются жидкая жизнь, жидкий страх и жидкая любовь, полностью зиждется на принципе потребления. «В обществе потребителей никто и ничто не в состоянии быть кем-то или чем-то, не став перед этим товаром» (Bauman, 2008, с. 17).

ОТЧУЖДЕНИЕ В ВОЗЗРЕНИЯХ УЧЕНЫХ САКРАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Теоретиков так называемой сакральной социологии, как правило, называют предтечами постмодернизма в социологии и общественных науках в целом. Прежде всего, к ним относят таких неоднозначных и неординарных мыслителей как Жорж Батай и Роже Кайуа. Некогда, создавая во Франции кружок наподобие сообщества интеллектуалов, они вместе образовали знаменитый Коллеж социологии, объектом изучения которого выступали вытесненные из сферы традиционной социологии проблемы, предвосхищая создание науки о чуждом, «инородном» (Зенкин, 2007, с. 14). Их имена нечасто упоминаются в российском социологическом дискурсе, тем более в связи с проблемой отчуждения. По-

этому, моя попытка является, возможно, первой пробой высветить проблему отчуждения, а также наиболее близкие и сходные ему по значению понятия и концепты в работах этих ученых.

С одной стороны, сакральная социология наследует классическую французскую традицию Э. Дюркгейма и М. Мосса изучения религиозных феноменов (Быстров, 2004, с. 6). Однако в отличие от классиков социологии область поиска сакрального не ограничивается ими изучением лишь религиозных практик или опыта малых народностей и племен, а распространяется на всё современное общество, в котором, отмечает Р. Кайуа, развитие науки, искусства, политики придаёт сакральному новые значения (Caillois, 2001). Потребность в подобном шаге актуализируется тем, что «мы никогда не постигаем до конца человеческого бытия», «а если и постигаем, то обманываемся» (Батай, 2007, с. 13). Проблема подобного «обмана» кроется в том, что социология оккупирует лишь область, которая находится в оппозиции к сакральному – сферу профанного, однако она есть лишь верхушка айсберга и не всегда дает ответы относительно причин и факторов социального поведения как такового. «Поскольку суждения, которые выносятся о человеке, всегда имеют связную и отрефлектированную форму, они являются суждениями мира мысли», а «...мысль всегда навязана моралью, которая содержится в запретах» (Батай, 2007, с. 14–15). Сдёрнуть покров профанного, преодолеть социологией свою «стыдливость» и обнаружить истоки социального и его форм – это и есть основной метод сакральной социологии. Участник Коллежа социологии Мишель Лейрис определяет сакральное с помощью вопроса: «Каковы объекты, места, обстоятельства, которые побуждают во мне эту смесь страха и преданности, это двойственное отношение, вызванное восприятием вещи одновременно как притягательной, так и опасной, как авторитетной, так и отвергаемой, этой смесью почтения, желания и ужаса?» (Лейрис, 2004, с. 75).

Метод деления мира на сакральное и профанное, представленный сакральной социологией, привлекает особое внимание в контексте нашего исследования отчуждения, ведь сакральное несёт не только функцию солидаризации, интеграции общества (на примере религии), но и функцию отторжения, отчуждения, ненависти, исключения и отвращения. Эти противоположные социальные функции сакрального становятся возможными через приписывание различным объектам, людям и явлениям тех характеристик, которые определяют их как хоро-

шие/плохие, разрешенные/запретные, чистые/нечистые и так далее. Исходя из этих представлений, становится понятным, что, как правило, солидарность и социальная интеграция присутствуют там, где имеет место нечто «хорошее», разрешенное, чистое; а «плохое», грязное и запретное, напротив, порождает социальное отторжение, отчуждение и ненависть. «Зачастую мы говорим о мире, о человечестве так, словно им присуще какое-то единство: на самом деле, человечество образует миры, внешне соседствующие, но фактически чуждые друг другу; порою их даже разделяет невыразимая дистанция: так, мир воровского притона в некотором смысле отстоит от кармелитского монастыря дальше, чем одна звезда от другой. Но не только различные миры отталкиваются друг от друга и не признают друг друга. Эта несовместимость концентрируется и в одном-единственном существе: так, в своей семье такой-то человек – просто ангел обходительности, но приходит вечер – и он погружается в разврат» (Батай, 2007, с. 13).

Представления о плохом, низком, недостойном в противоположность хорошему, высокому, достойному как правило являются универсальными для различных обществ и глубоко укоренены в сознании и подсознании человечества. Например, английский социолог Питер Диккенс, использует дихотомию сакральное/профанное для того, чтобы очертить круг проблем, связанных с отчуждением человека от природы, от других людей, от мира, от космоса (как совокупности различных уровней реальности, одним из которых является и уровень социальный). Он показывает, как дуализм, – хорошее/плохое, представлен в мышлении (P. Dickens, 2009, с. 49) (табл. 2).

Таблица 2

**Дуалистическое разделение мира на хорошее/плохое
человеческим сознанием**

«Плохое»	«Хорошее»
Природа	Культура
Смерть	Жизнь
Женское	Мужское
Эмоциональное	Рациональное
Ручной	Умственный
Чувства	Практичность
Объект	Субъект
Примитивный	Цивилизованный
Земля	Небо

Исходя из данной таблицы, которая в общем виде дает представление о дихотомии, на которую делит мир сакральное, можно представить на какой почве зарождается отчуждение, в принципе на любом уровне социальной реальности. Отчуждение между полами, поколениями, представителями разных религиозных конфессий, работниками различных сфер труда, начальниками и подчиненными, богатыми и бедными, жителями столиц и провинции, «чёрными» и «белыми» могут быть описаны с позиций подобного дуализма. Основным фактором разделения общества является движение от природного, дикого, земного к абстрактному, сознательному, рациональному, небесному (Ж. Батай называет это движением сакрального слева направо). То, что конвенционально воспринимается как плохое, низкое, недостойное – исключается, отчуждается.

Например, типичный пример отчуждения труда, который использует марксизм, может быть проинтерпретирован с позиций теории двойственности сакрального не менее интересно. Во-первых, разделяющим фактором является характер труда: ручной труд «пролетариата» является «низшим», «худшим» по отношению к неручному, умственному труду капиталиста, собственника предприятия. Во-вторых, деньги как форма капитала, являют собой абстракцию, однако наделенную магическими свойствами, которыми в большей степени обладает капиталист, нежели рабочий. В-третьих, сам факт обмена «низшей» рабочей силы на «высшую» космическую ценность, заключенную в деньгах, ставит рабочего в подчиненное и зависимое положение. В подобном ключе рассуждает и П. Диккенс, предлагая социально-экономические объяснения того, как представлен дуализм хорошее/плохое в современном обществе (Dickens, 2009, с. 49–50).

В целом, анализируя природу сакрального и то, как оно представлено в современном социуме, Ж. Батай приходит к выводу о том, что внутри каждого общества сакральное образует ядро, вокруг которого происходит сплочение индивидов, их солидаризация. Однако данное ядро динамично, это место, где сакральное меняет свое значение с правого-хорошего на левое-плохое и наоборот. В зависимости от времени и социального контекста, один и тот же объект, личность или процесс может либо отталкивать, либо являться источником сближения людей. В качестве примера Ж. Батай приводит французскую деревню и её концен-

трированность вокруг ядра, образованного церковью. Амбивалентность сакрального (влечение/отвращение) проявляется в том, что даже в разгар праздничного веселья, например пасхи, присутствует элемент отвращения: «Мимика, которая требуется от верующего в момент совершения жертвоприношения, сводится к выражению тревоги и вины; сакральный объект, поднятый священником, требует склоненных голов, отведенных глаз, стертости индивидуального существования, которое должно быть подавлено тяжестью этого тревожного молчания» (Батай, 2004, с. 107).

Сильное влияние сакральной социологии на постмодернизм заметно в том, что за несколько десятилетий до того, как французской социологической мыслью будет сформулировано понятие «общества потребления», и представления об обществе, околдованного вещами, Ж. Батай артикулирует в своих работах проблемы превращения человека в вещь и отчуждения его от самого себя, от своей человеческой сущности. Для него подобная трансформация человека является результатом развития человеческой цивилизации, по мере разворачивания которой людьми теряется их подлинная имманентность, непрерывность. Потеря непосредственного контакта с миром превращает человека в существо дискретное, отделенное от других, в противоположность существам досознательным, пребывающих в состоянии непрерывной включенности в «общее движение» природы. Известный переводчик и комментатор творчества Ж. Батая Сергей Зенкин пишет об этом: «Принцип дискретности, первоначально возникший в обращении человека с вещами, благодаря дарственному обмену укрепляется и переносится на социальные отношения между самими людьми. В ходе своего «оперирования» вещами общественный человек и сам овеществляется, становится дискретной вещью для других людей, которые могут использовать его как орудие, объект эксплуатации» (Зенкин, 2006, с. 20). В свою очередь, тема массового общества и тотального отчуждения звучит у Ж. Батая следующим образом: «Человечество в массе своей согласилось с делом промышленности», «эта масса позволила низвести себя до состояния вещей» (Батай, 2006, с. 93). Позднее эти идеи о реификации человека, превращения людей в отчужденную массу, ориентированную на потребление и фетишизацию вещей станут лейтмотивами таких апологетов постмодернизма, как Ж. Бодрийяр и З. Бауман. В свою очередь, представители Франкфуртской школы, при формировании концепции отчужденного человека обрушат критику своих

работ на рационализацию и просвещение, как продуктах человеческого разума.

Выход из сложившейся ситуации, бегство из «железной клетки», от иррациональной рациональности, от дискретности (отчуждения) к имманентности, к причастности и бытию, возвращение человека к самому себе, Ж. Батай видит в актах трансгрессии, то есть преодолении границ и запретов в экономике, религиозной, эротической, а также в рамках других институций. В активно разрабатываемой Ж. Батаем и Р. Кайуа теории трансгрессии, в качестве примеров оной приводятся празднества, непроизводительная трата (в широком смысле как неутилитарное действие) и эротическая активность. Так, вступление в любовный акт с женщиной, оставившей социальные и моральные условности за бортом, является для Ж. Батая примером достижения непрерывности, неотчужденного состояния. Кроме того, такие социальные явления как совместный смех и слезы, тоже, по мнению французского исследователя, способны объединять людей, возвращая их в лоно чувства, наподобие океанического, где каждая волна не отделена от другой. При этом проект Ж. Батая не является утопичным – автор признает, что возвращение в неотчужденное состояние возможно лишь периодически, иначе человечеству полностью пришлось бы отказаться от присущих ему разума и сознания.

Важно отметить, что возвращение человека как бы в «дочеловеческое» состояние не является таковым в прямом смысле слова, так как акт трансгрессии через возвращение к животному, природному, в общем, всему тому, что стоит за пределами человеческого разума и сознания наполнено сакральным, божественным. Это характеризует трансгрессию, как глубоко социальный процесс, ведь в мире животных сообществ сакральное отсутствует. В этом смысле сам акт трансгрессии является сакральным действием. Это отличает концепцию Ж. Батая от некоторых представителей психоаналитической традиции, которые видели избавление человека от современных форм неврозов в высвобождении людьми своих животных (сексуальных) инстинктов, немедленного их удовлетворения.

В завершение параграфа, стоит немного коснуться еще одной интересной темы, которая проливает свет на проблему отчуждения. Последняя нашла свое место и в увлекательной теории Роже Кайуа о социологии, основанной на играх. Речь идет о социологической теории, которая рассматривает различные механизмы,

принципы и виды игр и то, каким образом они укоренены и представлены в современном обществе. «А не вытекает ли всё из игры?» – задается вопросом автор (Кайуа, 2007, с. 87). Впрочем, для верного понимания авторской идеи стоит отказаться от представлений об обществе как театре, а людях как актерах – такое представление о социуме в большей степени свойственно драматургической социологии И. Гоффмана. Для Р. Кайуа более значимыми оказываются сами принципы игры и те механизмы, посредством которых они проявляют себя в общественной жизни, в том числе экономической: «Игры дисциплинируют инстинкты, вводя их в рамки институционального существования» (Кайуа, 2007, с. 86). Учёный классифицирует игры на четыре основные группы и показывает, какие именно профессии и социальные практики жидутся на каждой из них (табл. 3).

Таблица 3

**Классификация институциональных форм игр
и их искажения (отчуждение) по Р. Кайуа**

Категория игр	Институциональные формы, интегрированные в жизнь общества	Искажение
Agon (Состязание)	Коммерческая конкуренция Экзамены и конкурсы	Насилие, воля к власти, хитрость
Alea (Удача)	Биржевая спекуляция	Суеверие, астрология и т.д.
Mimicry (Симуляция)	Униформа, этикет, церемониал, представительские профессии	Отчуждение, раздвоение личности
Piñx (Головокружение)	Профессии, занятие которыми требует преодолеть головокружение	Алкоголизм и наркотики

Отмечу, что идея симуляции получила развитие со стороны Ж. Бодрийяра в теориях симулякров и гиперреальности, а идеи, заложенные в основу представлений о головокружении, нашли своё воплощение в постмодернистском дискурсе об удовольствии и пьянящей неге комфорта, как основных модусах бытия человека в обществе потребления.

Есть в теории Р. Кайуа, безусловно, и «позитивные» аспекты, которые способствуют уменьшению отчуждения, правильнее будет сказать, – его компенсации. В свете его рассуждений такое явление, как хобби, выполняет компенсирующую функцию по отношению к труду. Так, по мнению исследователя, промышленная цивилизация породила новую разновидность игры – «хобби, не обязательное второстепенное занятие, избираемое и продолжае-

мое для удовольствия: коллекционирование, любительское занятие искусством, радости домашних поделок или изобретательства – одним словом, всевозможные виды деятельности, представляющие собой, прежде всего компенсацию уродующего воздействия, которое оказывает на личность конвейерный труд» (Кайуа, 2007, с. 69). Социолог подмечает, что у рабочих, увлеченных хобби, самоделки являются уменьшенной, но целостной копией тех продуктов, при производстве которых они участвуют частично, рутинно, совершая лишь мелкие операции. Хобби «позволяет взять реванш у реальности; и это полезный плодотворный реванш. Не удивительно, что техническая цивилизация способствует его развитию, пусть даже в качестве противовеса своим наиболее отталкивающим аспектам» (Кайуа, 2007, с. 69).

ОТЧУЖДЕНИЕ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ С ПОЗИЦИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Идеи теоретиков постмодернизма нашли свое воплощение и в дискурсе современной социологии организаций, в том числе с позиций отчуждения. Сегодня, социология рассматривает социальную структуру организации, её корпоративную культуру и стратегию управления с точки зрения концепции симулякров, медиатизации социального тела и оформления гиперреальности. Акцентируется внимание на контроле над тружеником со стороны управляющих посредством практик микро-власти, которые направлены, в частности, на формирование корпоративной культуры.

Так, Филип Хэнкок рассматривает стратегию управления работниками предприятий как осуществление со стороны руководства технологий управления, компонентами которых выступают выработка единых ценностей, мотивационных ориентиров, корпоративной общности, то есть того, что в сумме можно назвать корпоративной культурой или «корпоративным культурализмом» (Нансоок, 1999, с. 155). При этом формирование такой корпоративной культуры рассматривается автором как процесс, осуществляемый с применением различных медийных технологий, союзниками которых выступают современные компьютерные, информационные, телекоммуникационные и другие средства связи и обмена информацией. В свете этой интерпретации социальное тело организации видится шотландским ученым в качестве полной аналогии современных обществ вообще, находящихся в условиях постмодерна, то есть как обществ медиатизированных и пребы-

вающих в фазе гиперреальности, балом в которой правят симулякры. Последние, как явления реально существующие, но не имеющие аналогов (референтов) в актуальном мире, деморализуют человека, отчуждают его от мира реального, выступают ложным ориентиром на пути удовлетворения ложных потребностей. Нечто подобное происходит и в современных медиатизированных организациях, где пользуясь терминами К. Маркса, происходит отчуждение работника от самого себя, общества и природы. Только теперь механизмы отчуждения видоизменены и являются результатом следования работниками симулякрам, которые формируют корпоративную культуру. Отныне знаки, изображения и символы, при помощи аудиовизуальных средств коммуникации формируют систему мотивации работников предприятий и ориентируют их на единый абсолют – корпоративную культуру. Поэтому Ф. Хэнкок называет современные технологии мотивации работников предприятий «метафизикой мотивации». Отчуждение здесь проявляется в том, что работник, следуя корпоративным (метафизическим) ценностям организации, отчуждается от своих реальных потребностей в пользу предприятия.

Если Ф. Хэнкок был одним из первых, кто на рубеже миллениума применил терминологию и теоретические прозрения постмодернизма к анализу современных предприятий, то сегодня данное течение являет собой активно разрабатываемую теорию. Среди тех, кто работает в фарватере последней, такие исследователи, как Джина Гренди, Альберт Миллз, Дэвид Бодже, Карл Родес.

Так, Дж. Гренди и А. Миллз утверждают, что сама стратегия управления современными предприятиями являет собой симулякр, а как процесс представляет собой механизм инкорпорирования в сознание работников изображений и символов, свойственных корпоративной культуре предприятия (Grandy, Mills, 2004, с. 1160). При этом сама корпоративная культура тоже представляет собой искусственное, эфемерное образование – результат применения на предприятии медиатехнологий. Анализ предприятия канадские исследователи осуществляют с использованием трехуровневой концепции симулякров Ж. Бодрийяра и приходят к выводу о том, что современные предприятия также представляют собой трехуровневые модели симуляции, свойственные обществам в принципе. В итоге, вся структура предприятия включает в себя корпоративную культуру как симулякр, стратегии управления как симулякр, а также академические концепции и теории предприя-

тия как симулякр. Отчужденные работники таких предприятий опять же представляют собой объекты манипуляции, «приёмники» информации, которая циркулирует в медиатизированной корпоративной среде.

Другие исследователи современных предприятий идут еще дальше и используют научный дискурс постмодернизма для анализа функций управления и тех, кто данное управление осуществляет. Так, внимание Д. Бодже и К. Родеса направлено на современное лидерство, управление как виртуальный конструкт (virtual leader construct) – VLC. Виртуальный лидер, управленец для них тот, кто, во-первых, является идеальным воплощением архетипа лидера, а во-вторых, тот, кто не является реальным человеком, то есть человеком во плоти (Boje, Rhodes., 2005, с. 407). Подобная виртуализация управленца и его подгонка к идеальным представлениям становится возможна при тиражировании изображений лидера (например, по корпоративному телевидению или в газете предприятия). Иными словами, виртуальный лидер и управляющий – не материален, представляет собой симулякр, являет собой имитацию самого себя. В заключение своего исследования авторы делают вывод, что подобные процессы виртуализации управления и лидерства перестают быть выдумкой научной фантастики, а становятся настоящей тенденцией в медиатизированных обществах.

В современной России многие крупные промышленные предприятия имеют свой собственный пресс-центр, в распоряжении которого, как правило, имеются корпоративные газеты, радио и даже телевидение. Очевидно, что подобный процесс виртуализации управления и корпоративной культуры имеет место и на российских предприятиях, однако на сегодняшний день о подобных исследованиях, проведенных отечественными учеными данных нет. Возможно это дело будущего.

ОТЧУЖДЕНИЕ И ЕГО МЕСТО В ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Объектно-ориентированная социология является относительно новым направлением социальной теории и ориентирована на изучение проблемы соотношения и взаимодействия социального и материального в обществе. Иногда это направление также называют постпостмодернизмом. Основоположниками поворота к материальному в социологии являются Джон Ло, Карин Кнорр-

Цетина, Бруно Латур, Ром Харре (Вахштайн, 2006). Основная идея данного направления заключается в том, что роль и позиция вещи в социологии на протяжении всей истории этого раздела гуманитарного знания определялись исключительно с позиций социологического редукционизма, иными словами, интерпретации вещей через приписывание им социальных функций. Вещи в границах привычного социологического дискурса выступают своего рода проекцией социальных отношений, экраном, а еще вернее, интерфейсом, отображающим социальный контекст, в котором пребывает эта вещь и функцию, которую она в этом контексте выполняет. Например, дорогой автомобиль является свидетельством социального статуса его владельца, а алкоголь, в контексте религиозных практик, является вином для причастия. Иными словами, для традиционной социологии вещи не являются полноценными участниками социального взаимодействия, а являются как бы его субстратом. Именно на устранение такого рода «дискриминации» вещей и направлена объектно-ориентированная социология, а сам процесс формирования нового направления в научном социологическом дискурсе называется «поворотом к материальному» или «прагматическим поворотом» (Latour, 2009). Очевидно, что в контексте данного представления о социальном меняет свое значение и проблема отчуждения, об этом далее.

Отчуждение в традиционной социологии трактуется в контексте приписывания вещам социальных значений. Например, деньги для К. Маркса, М. Гесса и Г. Зиммеля есть эссенция овеществленных человеческих отношений. Похожую интерпретацию имеет и феномен отчуждения от продукта своего труда как объекта, являющегося кристаллизацией труда и времени рабочего. Иными словами, с точки зрения традиционной социологии вещь, как материальный объект, символизирует собой отчужденные социальные отношения, является их аккумулятором и медиумом (передатчиком, оператором). Дискурс постмодернизма об отчуждении имеет схожую научную интерпретацию относительно отчуждающего характера вещей, хотя и зиждется на других парадигмальных основаниях. Характерной для постмодернистов является редукция вещи до состояния символа, знака, кода, когда вещь несет на себе семиологическую нагрузку и представляет собой интерфейс, экран, на котором отражаются и прочитываются социальные контексты, в которых этот материальный объект пребывает. Такое отчуждающее влияние вещей свойственно работам критиков обще-

ства потребления, гиперреальности и симуляции. В некотором роде вещи и объекты выступают в контексте данного научного направления как вклинивающиеся в социальные отношения, деформирующие и разрушающие их. Например, исследуя фотографии, Ж. Бодрийяр определяет её объект, как искажающий социальную реальность, обманывающий людей и даже насильствующий над ними посредством механизма самоускользания и саморазрушения сфотографированного объекта (Baudrillard, 2006).

Трактовка отчуждения как маркера «отношений» между вещами и людьми претерпевает значительные изменения, если рассматривать эти отношения с позиций, заданных объектно-ориентированной социологией. В качестве примера стоит привести три социологические концепции, находящиеся в поле объектного социологического дискурса: 1) акторно-сетевая теория; 2) концепция «актантов»; 3) постсоциальные отношения.

Так, акторно-сетевая теория отводит вещам и любым материальным объектам равноправную и значимую роль в пространстве потоков сетевых отношений (Ло, 2006, с. 223–244). В качестве сети, которая включает в себя различные объекты (от вещей до людей), Дж. Ло приводит морской корабль эпохи Христофора Колумба. Во-первых, корабль может быть представлен в виде сети парусов, пушек, кают и самой команды. Во-вторых, при более обобщенном рассмотрении, навигационная система с астрольбиями, таблицами, штурманами и даже звездами, по которым ориентируются моряки, тоже является сетью. В-третьих, с еще более отстраненной точки зрения вся португальская империя (порты, корабли, военные диспозиции, рынки, купцы) может быть описана в тех же категориях сети. Основной аргумент новой акторно-сетевой теории состоит в том, что «объект (например, корабль) остается объектом до тех пор, пока отношения между ним и связанными с ним объектами устойчивы и все сохраняется на своих местах» (Ло., 2006, с. 227). Отчуждение начинает проявлять себя в том случае, когда объекты, заполняющие определенные сетевые пространства, оказываются плохо совместимыми, оказываются в напряженных отношениях, появляются несоответствия. В этом случае (несовместимости), отношения между объектами сети меняются, что может привести к полному разрушению сети и объектов. Например, при изменении ветра, течения или в результате атаки пиратов корабль может прекратить свое существование, или превратиться в другой объект, например в плавучий ресторан. В

контексте моего исследования в качестве примера вместо корабля можно было бы привести современное промышленное российское предприятие, находящееся в напряженном потоке российской модернизации.

Концепция «актантов» Б. Латура имеет схожую направленность в своей трактовке материальных объектов как полноправных участников социальных процессов. Такие материальные объекты ученый именует «нечеловеками». Сетевое переплетение актантов – людей и нечеловеков и представляет собой социальную реальность (Латур, 2006). Зачастую участниками социального процесса физические объекты и механизмы становятся в результате делегирования им определенных полномочий. Пример – лежащие полицейские (участки дорог в виде выпуклых полос, препятствующие езде на больших скоростях) – результат делегирования полномочий со стороны реальных полицейских, регулирующих дорожное движение. Также дверные доводчики (механизмы, препятствующие резкому захлопыванию дверей) обретают функцию полноправных участников социальной интеракции в результате предоставления им полномочий со стороны дворецких, следящих за входом в помещение. Подобное делегирование приобретало все больший масштаб по мере развития человеческой цивилизации и технологий. В частности, автопилот в самолете, кухонный комбайн, пылесос, компьютер являются результатом передачи человеком своих функций вещам. Поэтому отчуждение в рамках этой концепции, может рассматриваться не только с точки зрения отчуждающей функции вещей, направленной на человеческие отношения и разрушающие их, но и с позиций отчуждения между людьми и «нечеловеками». Особую актуальность данный аргумент обретает в границах социологического направления, которое рассматривает стремительное развитие технологий, искусственного интеллекта и разума, робототехники. Характер взаимоотношений людей и человекоподобных роботов, степень их гуманности, в будущем, видимо, будет иметь значение для социологии.

Теория постсоциальных отношений принадлежит Карин Кнорр-Цетине, которая в целях обоснования своей концепции, поднимает вопрос о неукорененности современного человека, его социальной бездомности и отчужденности в XX–XXI веках. По мнению немецкой исследовательницы, именно объектное окружение современного человека обладает способностью вернуть

современному «я» устойчивость и обрести свое место в обществе (Кногг Cetina, 1994). Этот объектный антураж способен детерминировать идентичность индивида аналогично тому, как ранее её определяли семьи и общины. Кроме того, мир объектов и вещей имеет способность к созданию новых типов социальности. В качестве примера приводится процесс исследования объектов познания в ходе научного эксперимента биологом Барбарой Мак-Клинтон (Кнорр-Цетина, 2006, с. 290–294). Последняя, исследуя хромосомы под микроскопом выражала свое взаимодействие с ними следующим образом: «Я обнаружила, что чем больше работаю с ними [хромосомами], тем больше они вырастают в размерах. Занимаясь ими всерьез, я была не снаружи, а там, с ними. Я становилась частью системы. Я спускалась к ним туда, где все было большим. Я даже могла различить внутреннее строение хромосом – все его детали стояли перед моими глазами. Это было поразительно! Мне в самом деле казалось, что я нахожусь рядом с ними, и что они – мои друзья» (Кнорр-Цетина, 2006, С. 291).

Распространяет свою объектно-ориентированную точку зрения К. Кнорр-Цетина и на такую проблемную область научного знания, как отношения человека и природы. Так, чувственные, познавательные аспекты связей людей с объектами природы характеризуют подобный опыт отношений как новый вид социальности, а именно объект-центрированной социальности.

Таким образом, К. Кнорр-Цетина пытается снять в своих рассуждениях проблему отчуждения, которая связывается с объектами и вещами в социальной теории. Однако, на мой взгляд, пример с объектами научного познания не характеризует в полной мере отношения человека и объектов, в частности, характер отношений людей и вещей, определяемый стратегиями жизни в современном обществе потребления и симулякров.

1.6. Исследования феномена отчуждения в российской научной практике

Данный параграф посвящен воззрениям отечественных социологов, экономистов, обществоведов на феномен отчуждения, как в советском, так и в постсоветском обществе, который представляет собой в некотором смысле контрапункт по отношению к теориям и исследованиям отчуждения западных ученых, пред-

ставленных выше. Эти две традиции изучения отчуждения под разными углами проливают свет на феномен отчуждения, а также на то, каким образом автор данной монографии пришел к идее формирования концепции о такой современной форме отчуждения, как трансотчуждение.

Пожалуй, самый основательный, системный анализ феномена отчуждения применительно к отечественным реалиям осуществил Николай Лапин. По сути, он был первым, кто обратил внимание на то, что в СССР отчуждение было распространено также широко, как и за его пределами: «Десятки лет мы с завидным упорством твердили, что отчуждение человека от результатов его труда, от управления социальными процессами, от власти является сущностной характеристикой капиталистического общества. И только теперь начинаем постигать, что мы и здесь, как говорится, не без греха: в основе наличного социализма лежит тот же тип отношений, только «упакованный» в менее цивилизованную форму» (Лапин, 1990, с. 15).

Н. Лапин говорит о наличии в СССР отчуждения, которое может быть представлено в виде иерархической пирамиды, каждый уровень которой является отдельным видом отчуждения. Процессы наслаивания и взаимовлияния отдельных компонентов этой иерархии отчуждения последовательно замыкают их в тотальный комплекс – отчуждение всего общества от развития. Описание процессов советского отчуждения ученый начинает с исходного вида отчуждения – отчуждения подавляющего большинства населения от участия в управлении страной, от власти: «на первом уровне, отсекая от себя народ, действовали чиновники из «аппарата»; на втором, отфильтровывая самих чиновников, функционировала номенклатурная бюрократия» (Лапин, 1990, с. 17).

Впрочем, по мнению Н. Лапина, отчуждение народа от власти долго не просуществовало бы, не будь создан второй уровень отчуждения – отчуждение работающих за зарплату от результатов своего труда. Этому способствовали директивно устанавливаемые цены на большинство товаров – как правило, некоммерчески низкие. Таким образом, «Власть, устанавливающая такие цены, превращалась в глазах простых людей в некую сверхсилу, окруженную ореолом защитницы интересов бедных. Но в действительности... некоммерчески низкие цены служили причиной хронического дефицита, от которого больше всего выигрывали те, кто ближе стоял к источникам перераспределения материальных цен-

ностей» (Лапин, 1990, с. 17). Большая часть работающих за зарплату вынуждены были выстаивать длинные очереди в магазинах или переплачивать за предметы первой необходимости на рынках. Иными словами, «директивное отчуждение цен от стоимости товаров обернулось отчуждением от товаров большинства работающих за зарплату» (Лапин, 1990, с. 17).

Все эти процессы, по Н. Лапину, стали предпосылкой для возникновения следующего, фундаментального, по мнению исследователя вида отчуждения – отчуждения структуры производства от потребностей населения. Так уже первая пятилетка продемонстрировала отказ от традиционного баланса народного хозяйства в пользу сверхиндустриализации, означавшей максимальное развитие средств производства для решения задач военно-технической революции. В итоге промышленность была переориентирована с удовлетворения потребностей населения на режим расширенного самовоспроизводства. «Эти деформации обрели устойчивость, окончательно разведя в разные стороны производство и потребности населения» (Лапин, 1990, с. 18).

Продолжая рассматривать советские виды отчуждения, Н. Лапин выделяет, на его взгляд, самый мрачный из них – тотальную утрату гражданами личной безопасности. Он ведёт речь о тотальных репрессиях, жертвами которых стали миллионы людей – рядовые крестьяне, интеллигенты, рабочие, всего около четырех миллионов человек. В качестве источника Н. Лапин приводит данные КГБ СССР с 1930 по 1953 гг. «В итоге возникла реальная историческая сила, которая присвоила себе не только руководство обществом, но и право распоряжаться судьбами множества людей, вплоть до их физического истребления. Объективно это означало возникновение новой исторической формы социального отчуждения огромных масс народа от труда, его средств и результатов, от власти и участия в управлении, от культуры и свободы, от многообразия качеств личности и даже от самой жизни человека как высшей ценности» (Лапин, 1990, с. 19).

И, наконец, Н. Лапин переходит к описанию итогового вида отчуждения – самоотчуждению общества от развития. Стержнем всех слоев отчуждения, их истоком и латентной целью, по мнению ученого, была административно-командная система: «Созданная во времена сталинизма, она обрела необычайную силу и устойчивость благодаря тому, что сумела адаптировать к своим целям и задачам все важнейшие структуры и институты общества: партию,

государство, промышленность, сельское хозяйство, образование, духовное производство, во многом даже семью. Она сумела вывернуть наизнанку их изначальное содержание, хотя внешне они оставались как бы социалистическими» (Лапин, 1990, с. 19).

Стоит отметить, что надежды на преодоление различных видов, уровней процесса отчуждения в советском обществе возлагались исследователем на перестройку, демократизацию.

Важно отметить, что виды отчуждения, обозначенные Николаем Лапиным, используются мной в качестве основных видов отчуждения, характеризующих отчуждение советского общества и являются основными составляющими новой современной формы отчуждения, которую я называю трансотчуждением. Напомню, что понятие «трансотчуждение» характеризуется наличием признаков отчуждения свойственных старому (советскому) обществу и признаков отчуждения, характерных для обществ западных (отчуждение от духовности и от реальности в обществе потребления и гиперреальности).

Обсуждение проблемы отчуждения активизировалось в период перестройки и в преддверии глобальных трансформаций в стране на рубеже 1990-х годов. Этому способствовала открывшаяся возможность обсуждать свободно, хотя и с известной долей относительности, проблемы, дискурс которых в СССР был табуирован. Так, А. Дмитриев пишет: «Но кто же первым прервал заговор молчания – публицисты, философы, историки? До тех пор, пока в официальных документах не появилось слово «отчуждение», все мы хранили молчание. Хотя справедливости ради, скажу, что нашей редакцией готовилась статья А. Костина об отчуждении труда еще до отмены всяких запретов. Делалось это вполне сознательно, хотя и автор, и редакция понимали всю меру ответственности» (Дмитриев, 1989, с. 39). Эта статья, вводящая проблему отчуждения в открытый советский научный дискурс, появилась во втором номере журнала «Социс» за 1989 год. В этом же году была опубликована схожая статья в «Экономических исследованиях». После этого научного прецедента социологи, философы, культурологи и экономисты приступили к анализу феномена отчуждения более интенсивно. Так, в июне 1989 года журнал «Социс» созывает круглый стол по проблеме отчуждения, в котором приняли участие редакторы ведущих гуманитарных периодических изданий, научные сотрудники разных областей знания.

Данным, которые были представлены на этом круглом столе, мы посвящаем далее развернутое повествование, так как они являются важной отправной точкой открытого российского социологического дискурса отчуждения.

Среди тех, кто участвовал в дискуссии, был А. Бороноев. В центре его суждений – идея о необходимости гуманизации общества, а важнейшей задачей он видит выработку теоретических и прикладных моделей преодоления отчуждения между индивидами, социальными группами в процессе социальных преобразований. Важно, что исследователь делает акцент на видах отчуждения: «Отчуждение по-разному переживается и проявляется в различных сферах труда, в этно-национальных общностях и регионах, что предполагает дифференциацию условий и методов преодоления отчуждения» (Бороноев, 1989, с. 38).

В унисон ему А. Дмитриев предлагает рассматривать отчуждение в более широком смысле, не ограничиваясь лишь общественным трудом и производством. «Ни для кого не секрет, что отчуждение проникло во все сферы социалистического общества – в экономику, политику, культуру, поразило практически все жизненные центры и социальные институты. Оно наложило и продолжает накладывать неизгладимый отпечаток на межличностные отношения людей, повседневную реальность, хотя мы не всегда замечаем это или пытаемся это осмыслить» (Дмитриев, 1989, с. 39). Ученый рассуждает о латентности феномена отчуждения, об его способности «скрываться» за разными «масками». Например, дефицит доверия в отношениях людей, проявление повышенной агрессивности, пессимизм или апатия – есть не что иное, как индикаторы (маркеры) отчуждения. Исследователь высказывает надежду на то, что материалы его теоретических рассуждений «могут послужить какой-то методологической системой отсчета, базой широких эмпирических исследований, которые давно уже ждут своего часа» (Дмитриев, 1989, с. 39).

Весьма интересны рассуждения А. Кравченко о природе отчуждения. Он предлагает, анализируя отчуждение как социологическую категорию, искать истоки в древнейших пластах человеческой культуры, уходящей своими корнями к внутриличностным структурам. В качестве доказательства он приводит размышления Э. Фромма: «Во времена пророков Ветхого завета слово «идолопоклонение» (idolatory) употреблялось как смысловой эквивалент

отчуждению. Принципиальное различие между моно- и политеизмом заключалось именно в самом факте самоотчуждения. Создавая множество богов или идолов, человек приписывает каждому из них одно из своих человеческих качеств, но в гипостазированной форме. Идол представляет собственные жизненные силы человека в отчужденной форме, в форме вещи, которой он поклоняется» (Кравченко, 1989, с. 40). Отсылая нас к современности, А. Кравченко считает, что и при фашизме, и при сталинизме – в крайних формах тоталитарного общества – абсолютно отчужденный индивид поклоняется тем или иным идолам, будь то государство, вождь, нация, класс, коллектив.

Н. Волчков смотрит на проблему отчуждения без оптимизма. Согласно ему, отчуждение присуще любому обществу, всем его сферам и неискоренимо до конца. Кроме того, что учёный придерживается мнения, что в нашей науке долгое время господствовало мнение о том, что при социализме труд обобществлен в масштабах общества. «При этом ссылались на утверждение К. Маркса, будто при капитализме производство уже имеет общественный характер. Из этого делается вывод: достаточно заменить частную собственность на общественную, как новый социальный строй возникнет сам собой. Реализация этого тезиса привела не к соединению труда с собственностью, а наоборот, трудящиеся все более отчуждались от нее. В результате она превратилась не в собственность трудящихся, а в собственность партийно-государственного аппарата» (Волчков, 1989, с. 40).

Важный аспект отчуждения рассмотрела и О. Крокинская. Её анализ касается проблемы инаковости, субъекта и Другого и, как следствие, социального развития, рождающегося в процессе их взаимодействия. «Познать что-то и взаимодействовать с чем-то можно, только полагая это нечто в отчужденной от субъекта, т.е. объективированной форме. В таком понимании история является историей отчуждения человека от его природного существования. Стало быть, сам по себе этот процесс необходим и до определенных пределов нормален» (Крокинская, 1989, с. 41). Однако, как это часто бывает, плюсы часто преобразуются в минусы. Так, свойственная человеку любой профессии картина мира оказывается чрезвычайно суженой, формирует одномерное мировоззрение профессиональных групп людей, обуславливает маргинальность их сознания и социальной позиции, разрывы в ценностных структурах. Обращает внимание исследовательница на отчуждение от профес-

сии: растёт доля людей, высказывающих неприязнь к своему делу и своей профессии. В итоге возникают искажения в структуре профессий, превратное понимание целей и содержания труда.

Чрезвычайно интересным представляется теоретизирование о феномене отчуждения Н. Яковлева. Он предлагает рассматривать пару таких понятий, как «отчуждение в условиях казарменного социализма» и «отчуждение при рыночном социализме», как континуум переходных и смешанных форм отчуждения, которые ранжируются по степени нарастания того или иного признака, например, «казарменности» или «товарности» (Яковлев, 1989, с. 42). Эти идеи напоминают идеи Ги Дебора об интегральном государственном спектакле, который совмещает в себе репрессивные меры и практики потребления, а также тезис Жюлья Делёза о том, что со временем дисциплинарные социумы будут трансформироваться в общества контроля.

Продолжая тему сверхцентрализованного жесткого руководства, в частности предприятиями и организациями, Е. Грегова полагает, что оно тем самым породило гигантское отчуждение работника в производстве. Составным элементом данного механизма выступает система государственного принуждения к труду: уголовные наказания за прогулы, опоздания и т. д. Стали явными такие негативные явления как пьянство, наркомания, коррупция. «Безусловным стал приоритет общенародного (а на деле псевдонародного) присвоения. Государство рассматривалось как единственный субъект общественной собственности, а роль трудовых коллективов сводилась по существу к исполнителям воли центра. Поскольку ни коллектив, ни отдельный работник не реализуют себя как собственники, стало быть, общенародный интерес превращается в пустую абстракцию, либо лозунг. Непосредственный производитель, отчужденный от общенародного достояния, лишен реального права распоряжаться и управлять той частью этого достояния, которая юридически закрепляется за предприятием. Он объективно по-прежнему остается «винтиком», по своей социально-экономической роли является поденщиком, временщиком на «собственном» предприятии. Не случайно социологи отмечают рост социальной апатии и безразличия» (Грегова, 1989 с. 42).

Е. Мельн связывает отчуждение, прежде всего, с существованием уравнительной политики в оплате труда. Ученый указывает на следующий важный парадокс массового сознания: хотя большинство респондентов не согласны с уравниловкой и считают, что

вознаграждение, которое не зависит от конечных результатов, не только аморально, но и несправедливо, одновременно с этим руководствуются принципом уравнивания заработной платы на деле. «Подобное раздвоение сознания носит массовый характер и, по всей видимости, служит одним из механизмов сохранения и воспроизводства отчуждения труда в нынешних условиях» (Мельн, 1989, с. 43).

Помимо экономических аспектов отчуждения, отечественным исследователям было свойственно видеть и другие его проявления, в частности правовые: 1) господство в обществе такой концепции законодательства, когда оно включает не только законы, но и правовые акты, в результате закон изменяется либо извращается любым правовым актом; 2) законодательство противостоит человеку как чуждая ему сила; 3) недоступность важнейшей части юридической информации, как для граждан, так и для профессионалов; 4) закрытость, недоступность для рядовых граждан юридических учреждений в том смысле, что они не в состоянии получить качественные услуги при защите своих прав и свобод. Учёный приводит данные исследований, проведенных НИИКСИ ЛГУ в 1981 – 1988 годах, которые показали, что в сознание людей крепко въелось недоверие к юридическим органам, граждане избегают обращаться к ним за помощью при нарушении своих прав. В поведении заметно безразличие к нарушениям законов, низкая оценка собственных усилий по использованию и защите своих законных прав. Сравнивая эти данные с реалиями сегодняшнего дня, можно сделать вывод, что тенденция отчуждения граждан России от юридических и правоохранительных органов сохранилась: количество людей высказывающих недоверие по отношению к милиции, сотрудникам прокуратуры и суду с каждым годом растет (с 35% в 1994 году до 50% в 2003 и 2004 годах) (Левада-Центр, 1994–2004). «Противоречивость законодательства, его недоступность широким слоям указывают на то, что права и свободы людей из сферы непосредственного человеческого общения отчуждены в область законотворчества. Последнее начинает противостоять человеку как нечто чуждое и враждебное» (Гревцов, 1989, с. 43).

В фокусе научного внимания учёных находилась и проблема измерения отчуждения, в постиндустриальном, информационном обществе. «В современном индустриальном обществе все более значительную роль – как элемент универсального социального

опосредования – начинает играть информация. (Коммуникационные средства и прежде всего язык.) Сегодня можно говорить об «информационном фетишизме» с характерными для него видами отчуждения. По-своему они не менее опасны для человечества, вспомним хотя бы возможности компьютерного контроля за гражданами, фрагментаризацию повседневного сознания в информационном обществе» (Малинкин, 1989, с. 45).

Е. Агеева в свое время посвятила изучению феномена отчуждения достаточно объемную эмпирическую работу, в основе которой лежит контент анализ 2 тыс. решений представителей власти и 20 тыс. их директивных предписаний. Так как исследование проводилось в 1980-е г.г., то его источником были данные исполкомов. Е. Агеева сфокусировала свое внимание на проблеме отчуждения личности от управления. Контент-анализ показал, что политико-управленческая система развивается по линии вертикальной самодостаточности: «Система управления сама себе определяет цели, сама же организует их достижение, сама осуществляет контроль за исполнением, наконец, сама же оценивает качество работы» (Агеева, 1989, с. 45). Из исследования стало известно, что только в 8,1% случаев управленческие решения были отменены под давлением граждан. Это данные 1988 года. Очевидно, что сегодня, по прошествии лет, ситуация остается аналогичной, учитывая, прежде всего, степень коррумпированности госсектора. Такая «вертикаль» имеет отношение к разным уровням социальной реальности: это отношения между гражданами и органами власти; отношения на производстве, где каждое решение руководства в большинстве случаев безоговорочно спускается сверху вниз. Выход из ситуации Е. Агеева видит в «необходимости развернуть административную систему лицом к человеку, направить выполнение профессиональных обязанностей руководителей не по вертикали, как сейчас, а по горизонтали, т. е. в административно-договорную сферу» (Агеева, 1989, с. 45). В целом это позиция во многом согласуется с магистральной точкой зрения отечественных ученых о необходимости гуманизации отношений на уровнях руководитель/подчиненные и граждане/власть.

Целью других исследований отчуждения было выявление некоторых характерных для советского общества проявлений отчуждения в сфере труда. В. Семеновым и его коллегами были опрошены 2,5 тыс. ленинградцев. Для 13% из них «настоящая» жизнь начиналась только после работы. Часть опрошенных не ви-

дела в своей работе ничего интересного. Для них она выступала лишь средством добывания хлеба насущного. Интегральный маркер отчужденности – неудовлетворенность жизнью в целом. Такие настроения были характерны для 26,5% жителей крупного индустриального центра. Но еще опаснее выглядит самоустранение людей от устройства собственной судьбы (чувство бессилия, обреченности): 5,5% респондентов считают, что их личные успехи зависят от внешних обстоятельств, а от них самих мало что зависит. «Другой аспект отчуждения – проблема одиночества и усталость от массовых контактов, «выгорание» чувств и эмоций. Работники торговли и сферы обслуживания, психотерапевты в один голос заявляют, что у них не хватает сил на собственную семью. По данным исследования, для 8,5% ленинградцев серьезно стоит проблема одиночества» (Семенов, 1989, с. 46).

Тему отчуждения молодёжи затронул А. Лисовский. Первый аспект проблемы имеет отношение к «приватизации» ценностных ориентаций. Молодежь, не получая возможности для самореализации, склонна уходить в частную жизнь. Второй заключается в отчуждении от социальных институтов, в невозможности участвовать в деятельности городского управления. Третий аспект – это отчуждение субъектом права другого на самобытность: здесь, видимо, идёт речь об ограничении возможности субъекта самому выбирать свой стиль жизни, образование, политическую, сексуальную и другие идентичности. Отчуждающую и карательную активность одних членов общества против других А. Лисовский подтверждает следующим примером: «Недавно мы изучили мнение населения о ленинградских последователях «люберов». «Отряд активных действий» (ОАД), как он сам себя именуется, патрулирует улицы и борется с другими молодежными субкультурными группировками «методами убеждения, а если не удастся убедить – при помощи кулаков». Настораживает тот факт, что 16,2% респондентов полностью одобрили действия ОАД по отношению к «хиппи», «панкам», рок-фанатам», 62,5% – только цели, отвергая выбор средств. Лишь 21,2% не одобряют идею борьбы одной молодежной группировки против другой. Сама по себе готовность поддерживать силовые методы является социально опасным прецедентом» (Лисовский, 1989, с. 46–47).

Социологическими показателями отчуждения молодёжи могут служить равнодушие и безразличие к окружающим и социуму в целом, социальный негативизм, проявляющийся у студентов в

крупных городах, наконец, одиночество, неустроенность и потерянности при вступлении во «взрослый» мир. Отсутствие взаимопонимания между поколениями выражается в противопоставлении «мы» (наше поколение) и «они» (старшее поколение). Исследователи отмечают, что в последние годы межпоколенческое отчуждение приобрело также политическую окраску: «Мы вас не принимаем, потому что вы все виноваты в застое, а ваши родители – в сталинщине. Из-за вас нам приходится всё начинать сначала» (Синкевич, 1989, с. 47–48).

Отмена табу на исследования отчуждения при социализме в конце 80-х незамедлительно получила отклик и со стороны молодых ученых. Необходимость в трансформациях косной бюрократической системы была осознана штатом молодых исследователей Института Экономики Академии Наук СССР в терминах отчуждения. Надежды молодого тогда поколения социологов и экономистов были связаны с раскрепощением человека через личную инициативу и ответственность, модернизацией властно-хозяйственных отношений, самоуправлением трудовых коллективов, упразднением такого феномена как псевдоколлективизм. Квинтэссенцией идей молодых ученых относительно отчуждения в СССР и перспектив общественного развития является сборник работ Совета молодых ученых ИЭАН СССР вышедшего в 1989 году под названием «Отчуждение труда при социализме и пути его преодоления» (1989). Среди авторов сборника стоит выделить работы Л. Лыковой, М. Федоровой, А. Бузгалиной, В. Радаева, И. Стародубской, В. Громовского.

После 2000 года наблюдается очередной виток интереса к проблематике отчуждения в отечественной науке, наблюдается буквально лавинообразное издание диссертаций по данной тематике. С моей точки зрения, подобный ренессанс связан с осознанием научной общественностью не просто реальности формирования в России информационного общества, включением последней в глобальное сообщество и связанных с этими явлениями проблем. Этот ренессанс идей связан с фундаментальной проблемой соотношения «ситуации человека» и социальных условий, взаимодействия личности и социальных институций экономики, труда, политики. Отчуждение, как лакмусовая бумажка, в очередной раз демонстрирует нам тот спектр трудностей, который естественным образом является спутником транзиции, мутации социальной реальности.

Среди исследований феномена отчуждения в 2000 годах стоит выделить работу С. Шайхитдиновой «Информационное общество и «ситуация человека»: Эволюция феномена отчуждения». В этой монографии исследовательница рассматривает проблему отчуждения и самоотчуждения человека в эпоху коммуникаций. Исходя из того, что мир сегодня представляет собой мир «кнопочной культуры», а человек является «человеком кликающим», исследовательница заявляет о необходимости эмансипации «медиа-тизированного» сознания от тотальности социальной системы, усиленной всепроникающими технологиями, выдвигает в разряд актуальных проблему индивидуального самоизменения. Решение этой проблемы, по мысли автора, необходимо найти в идее медиа-этики, которая призвана стать основой морали информационного будущего (Шайхитдинова, 2004).

Обращает на себя внимание работа, посвящённая отчуждению деятельности. В. Марков представляет отчуждение деятельности как «аналог процессов с негативной обратной связью, играющих существенную роль в механизмах саморегулирования систем. Таким образом, отчуждение, обычно рассматриваемое как трагедия человека в реализации его планов и замыслов, выявило свой позитивный метафизический смысл с точки зрения сохранения социальных и природных систем, поддержания гармонии бытия. Мир неотчужденного воплощения всех человеческих проектов оказался бы кошмарной антиутопией по сравнению с реальным миром, где отчуждение является извечной тенью человеческой активности» (Марков, 2002, с. 3). Несомненной заслугой данной работы, на наш взгляд, является её способность показать амбивалентность отчуждения, то есть не только его негативность, но и положительные стороны этого процесса.

Получила своё развитие в дискурсе отчуждения и проблема лидерства и руководства. Так, Д. Зиновьева рассматривает прикладной аспект проблемы отчуждения в контексте властных отношений и психологических особенностей государственных служащих. Обследовав более полутора тысяч государственных служащих, ученый пришла к выводу о том, что эта группа работников является отчужденной социальной группой. Обобщая выводы исследования она пишет: «Наряду с формальным, внешним благополучием диагностируется реальное профессиональное и психологическое неблагополучие и отчуждение, проявляемое в глубинных внутренних конфликтах, эмоциональном выгорании, чувстве

страха и бессилия, в нарушении самоидентичности, в неумении самостоятельно выстраивать стратегию своей жизни» (Зиновьева, 2005, с. 148).

Кроме того, ценными с точки зрения освещения традиции исследования отчуждения в России являются следующие работы, опубликованные сравнительно недавно. Как правило, все они выполнены с применением междисциплинарного подхода, что соответствует духу времени и современной методологии общественных наук. Так, О. Клюенков прокладывает тропинку в направлении исследований отчуждения с позиций феноменологических традиций, в противовес устоявшемуся представлению об отчуждении как расхождении деятельности человека и ее результатов (Клюенков, 2007). Кемеровский ученый А. Харламов концентрирует свое внимание на проблеме социального взаимодействия в контексте информационного взаимодействия. Автор постулирует, что с приобретением культурой своих виртуальных форм, отчуждение характеризуется понятием «цифрового раскола», как ситуации разделённости социального целого на отдельные группы (Харламов, 2007). Подобные идеи об отчуждении человека в условиях информатизации общества высказывает и исследовательница Ю. Ляшенко. Ей принадлежит утверждение о наличии отчуждения в сфере труда через его опосредование новыми телекоммуникационными технологиями, ведущее к эмоционально-духовному опустошению работника. Также, согласно ей, имеет место отчуждение от других людей, которое обусловлено особенностями обезличенной трудовой кооперации в условиях информатизации (Ляшенко, 2007). Новосибирской исследовательницей Н. Денисенко разработана концепция конфликта как средства преодоления отчуждения в деятельности. Согласно автору, теории отчуждения и конфликта не должны рассматриваться отдельно друг от друга, так как преодоление отчуждения является борьбой, как правило, борьбой индивидов за обладание тем, от чего они отчуждены (свобода, власть, ресурсы и так далее). Весьма интересно, что связывая в своей концепции воедино теорию конфликта и отчуждения, Н. Денисенко выделяет структуру процесса отчуждения. По её мнению, структура отчуждения проявляется на двух из трех стадий конфликта (помимо латентной): в виде аномии на стадии социальной напряженности и в виде агрессии на стадии открытого противоборства сторон (Денисенко, 2004).

Вновь появляются работы, посвященные отчуждению труда. Его преодоление видится через развитие «правильной» мотивации работников и формирования общей культуры предприятия (Попова, 2009). По-прежнему проблемы отчуждения труда традиционно рассматриваются через призму трансформации отношений между трудом и капиталом в современной экономике (Трапезников, 2004).

Примечательно, что в последнее время наблюдается выход отечественных работ, посвященных отчуждению в сфере образования. Если в западной социологии проблема отчуждения образования существует с середины XX века, то отечественные ученые активно взялись за нее относительно недавно. Так, в частности, поднимаются проблемы духовного обеднения студентов через изменение их ценностных ориентаций в сторону индивидуализма и материальных ценностей, вырабатываются способы педагогической коррекции данных «отклонений» (Малиева, 2003). Исследуются вопросы отчуждения от учебного процесса в целом (Федоренко, 2000). Изучает теперь отечественная наука и отчуждение личности в сфере высшего образования, которое проявляется в невозможности творческого самовыражения учащегося, в превращении последнего в пассивный объект процесса, в который он вовлечен, но над которым не властен (Афанасьев, 2005). Предпринимаются попытки выработки сценариев по уменьшению межпоколенного отчуждения в образовательном пространстве (Кружилина, 2002). Поднимаются проблемы педагогической компетентности и ее влияния на отчуждение в образовательном процессе (Подбуккая, 2001). Наиболее интересным нам видится исследование А. Сидоркина, посвященное проблеме отчуждения в образовании, и выполненное с применением концепции выдающегося русского учёного Михаила Бахтина. Проблема отчуждения, в частности в образовании, приобретает новое звучание благодаря тому, что к ней становится возможным применение такого понятия, как «участное мышление». Последнее предполагает событийность субъекта окружающей его реальности, связанности мышления и действия. С этих позиций А. Сидоркин смотрит на российское образование по-новому (Sidorkin, 2004, с. 251–261). Проблема интерактивного отчуждения в контексте взаимодействия преподавателя и учащегося в ходе образовательного процесса занимает значительное место в трудах новосибирского социолога и психолога Евгения Владимировича Руденского (Руденский, 2002; 2006).

Таким образом, из приведенного выше обзора трудов отечественных исследователей отчуждения видно, что советско-российская традиция изучения данного феномена имеет совсем недолгую историю, однако располагает определенным заделом, потенциалом и далеко идущими планами по поводу реализации исследовательского проекта отчуждения. По моему мнению, отечественная традиция (особенно современная) изучения отчуждения весьма гармонично встроена в общемировой контекст исследований отчуждения и основывается на тех же «китах», что и мировая научная традиция, а именно на положениях структурализма, функционализма и постмодернизма. Подтверждением этому выступают вышеописанные концепции современных российских авторов, которые зиждутся на представлениях марксизма об отчужденном труде, а также рассматривают бюрократическое, политическое, социальное отчуждение с позиций противопоставления человека и структуры. Социологические взгляды на природу отчуждения в эпоху постсовременности задействованы в проектах исследования отчуждения с позиций формирования «кликающей» цивилизации и формирования этики и морали нового «кликающего» (виртуального) человека.

Вышеизложенные подходы к отчуждению можно условно разделить на два, а возможно и более лагерей точек зрения (отчуждение при социализме, отчуждение в постсоциалистической России и т.д.), которые в некотором роде являются если не взаимоисключаемыми, то взаимоигнорируемыми. Иными словами, современные отечественные труды об отчуждении не поднимают вопросов и проблем относительно того, насколько были изменены или упразднены предыдущие виды отчуждения и какие имеются взаимосвязи между старыми и новыми проявлениями отчуждения в современном российском обществе. В данной монографии предлагается иной взгляд на проблему отчуждения, который рассматривает феномен отчуждения в его динамике, а именно – как процесс преобразования формы отчуждения, через консервацию старых и возникновения новых видов отчуждения. Такую форму сосуществования в российском обществе прежних «советских» и новых «западных» видов отчуждения я называю трансотчуждением. Ниже приведена результирующая таблица, в которой в виде кратких эссенций содержатся представленные в первой главе трактовки отчуждения с позиций разных направлений, школ и парадигм в социологии и в общественных науках в целом (табл. 4).

Схема научных традиций и подходов изучения отчуждения

Научная традиция изучения феномена «отчуждение»	Трактовки отчуждения
1. Античная и древнеиндийская философия, древние тексты	<p>Земное существование в принципе как отчужденное состояние человека в отрыве от божественного, идеального мира. Преодоление отчуждения в философских и религиозных практиках (Платон)</p> <p>Падение Адама как изначальное отчуждение (Библия)</p> <p>Проявленное, физическое существование человека и материи как результат самоотчуждения, инобытия Абсолюта, Неделимого, Духа (Атмана). Самадхи – состояние единения, достижения Недвойственного при помощи духовно-физических практик (йоги и т.п.) (Веды, упанишады)</p>
2. Немецкая, французская и английская философия в домарксистский период	<p>Отчуждение есть овеществление, опредмечивание, объективация самоотчужденного от себя духа. Отчуждение – инобытие абсолютной идеи (Ф. Гегель)</p> <p>Конвенциональная теория государства – государство как продукт совместно отчуждаемых людьми своих прав и свобод в обмен на безопасность. В итоге государство становится самостоятельной силой, способной навязывать людям свою волю (Т. Гоббс)</p> <p>Социальные институты (государство, мораль, искусство, религия), являясь посредниками между людьми, отчуждаются от них, обретают самостоятельность и господствуют над своими создателями (Ж.-Ж. Руссо)</p> <p>Отчуждение как выход из под контроля людей их собственной деятельности, враждебность им её результатов. Преследование людьми своих личных интересов часто обращается им во вред (К. Гельвеций)</p> <p>Внешний, сотворенный человеком мир есть результат его отчуждающего и творческого духа (И. Кант)</p> <p>Отчуждение как отчуждение самосознания, процесс в котором человеческое «я» создает внешний предметный мир «не-я». Посредством культуры человек способен осознать внешний мир не как чуждую силу, а как собственное творение (И. Фихте)</p> <p>Религия – результат отчуждения людьми своих сил, реальной предметно-чувственной сущности. Собственные потенции человека воспринимаются им как сверхъестественные, божественные, господствующие. В основе такого отчуждения лежит страх (Л. Фейербах)</p> <p>Деньги – продукт взаимно отчужденных людей, человеческих отношений (М. Гесс)</p>

3. Марксизм и классическая социология	<p>Отчуждение является результатом антагонистических человеческих отношений при капитализме и проявляется в четырех основных формах: отчуждение от процесса производства; отчуждение от продукта труда; отчуждение от родовой сущности, от других; самоотчуждение. Отчужденный рабочий исключен из действительности. Жизнь человека лишена человеческого содержания (К. Маркс, Ф. Энгельс)</p> <p>Индустриализация, урбанизация и разделение труда как условия отчуждения. Отчуждение как аномия (Э. Дюркгейм)</p> <p>Разделение труда как источник дезинтеграции, которой может противостоять основанное на традиции моральное чувство (О. Конт)</p> <p>Отчуждение есть результат дегуманизирующего влияния процессов бюрократизации и рационализации. Общество как «железная клетка» для индивида (М. Вебер)</p> <p>Отчуждение как результат декаданса общины и торжества сложных обществ. Общинная жизнь, основанная на родстве, соседстве, дружбе, понятии достоинства, трансформируется в капиталистических обществах в жизнь, которая зиждется на понятиях стоимости, капитала рабочей силы и расчета (Ф. Тённис)</p> <p>Феномен отчуждения культуры как результат торжества денежных отношений в обществе. Одиночество и духовная отдаленность характеризуют отчужденный характер жизни в больших метрополиях (Г. Зиммель)</p>
4. Франкфуртская социологическая школа	<p>Технический прогресс как результат просвещения, рационализации и развития человеческого разума является причиной отчуждения современного человека. Культуриндустрия (кино, радио, телевидение) формирует унифицированные и искусственные потребности, человек является обезличенным функционером. Человеческие отношения – отношения господства и подчинения (Т. Адорно, М. Хоркхаймер)</p> <p>Состояние искусства, в особенности музыки как маркер и фактор отчуждения в современном обществе. Музыка как ретранслятор рациональности и системы контроля. Освобождение – в новой музыке, деструктурирующей устоявшиеся типы мышления (Т. Адорно)</p> <p>Отчужденный человек – человек с одномерной структурой влечений. Одномерный человек есть продукт репрессивного социума. Отсутствие социально-критического отношения к действительности делает человека покорным служителем системы, которая манипулирует человеком через экстаз и наслаждение в ходе удовлетворения ложных потребностей (Г. Маркузе)</p> <p>Отчуждение – результат превращения человека в вещь, товар, бездушный механизм достижения цели. Торжество рыночного, анального типа характера среди людей современной эпохи. «Быть» и «иметь»: разные модусы бытия в мире, отчуждение связывается с ориентацией на обладание (Э. Фромм)</p> <p>Тоталитаризм как форма современного политического рабства и условие отчуждения. Атомизация общества вследствие страха при тоталитаризме. Экспроприация частной собственности и лишение человека приватности, чувства безопасности (Х. Арендт)</p>

<p>5.Современные исследования отчуждения, в том числе в сфере производственных отношений</p>	<p>5 измерений (dimensions) отчуждения: бессилие, бессмысленность, изоляция, безнормность, самоотчуждение – основной подход, применяемый современной социологией для изучения отчуждения (М. Симен)</p> <p>Отчуждение как дисфункция в контексте социальных отношений (Р. Щачт)</p> <p>Отчуждение как аномия. Индивиды, отрицающие цели и средства достижения определенных культурных ценностей, находятся в обществе, но не принадлежат ему (Р. Мертон)</p> <p>Самоактуализация как противоположность отчуждению (Р. Ходсон, Т. Салливан, Б. Бекстер)</p> <p>Степень удовлетворенности трудом как индикатор отчуждения. Удовлетворение трудом зависит от характеристик социальной структуры организации, характера выполнения рабочих заданий, а также от потребностей и ценностей труженика (Ф. Гамст)</p> <p>Двухфакторная теория мотивации и удовлетворения трудом. Взаимосвязь гигиенических (повышение з/п, обеспечение жильем, улучшение санитарно-гигиенических условий труда) и мотивирующих факторов (автономность работника, признание заслуг, продвижение по службе) на предприятии определяет степень отчуждения (Ф. Герцберг)</p> <p>Иерархическое и бюрократическое устройство организации – делает тщетными попытки работников к самореализации, их переориентацию с пассивности на активность, от зависимости к независимости, от отчуждения и изоляции к интеграции. Организация предлагает подчинение, контроль, обязанности, конфликт, в то время как работники стремятся саморазвитию, независимости, автономности, участию в принятии решений (К. Арджирис)</p> <p>Влияние развития технологий на степень отчуждения работников промышленных предприятий. Влияние неравнозначно для разных отраслей производств, наиболее уязвимыми для отчуждения отраслями являются те, где превалирует массовый и конвейерный тип производства (Р. Блаунер)</p> <p>Технологические инновации как фактор, который способен вернуть работникам утраченную власть над машинами и механизмами (А. Турен)</p> <p>Автоматизация производства и внедрение технологических инноваций как предпосылка деградации одних видов труда, в частности ручного, требующего мастерства (пекари, кондитеры, ювелиры) и увеличения возможностей работников других областей производства (инженеры) (Р. Сеннет)</p> <p>Постбюрократическая система социальных отношений на предприятии как инновация на социетальном уровне предприятия и предпосылка к уменьшению отчуждения (С. Валлас)</p> <p>Непрерывная модернизация предприятия (job redesign), выражающаяся в изменении социальной структуры, повышении образования и степени участия работников рассматривается как необходимое условие успешной адаптации предприятий на конкурентном экономическом рынке (Р. Аппельбаум)</p> <p>Степень централизованности системы принятия решений на предприятии и формализованности в соблюдении правил труда, норм и поведения как факторы отчуждения (К. Моттаз)</p>
--	--

6. Отечественные исследования отчуждения	<p>Уровни отчуждения советского общества: отчуждение от управления; от власти; отчуждение от результатов труда, от товаров; отчуждение от собственности (в частности крестьян от земли); отчуждение производства от потребностей населения; отчуждение от безопасности; отчуждение от развития (Н. Лапин)</p> <p>Демократизация общества в целом, гуманистические преобразования всей системы общественных отношений и социальных институтов (в том числе политики, культуры, экономики) как пути преодоления отчуждения (А. Бороноев, А. Дмитриев, Е. Грегора, Е. Агеева)</p> <p>Отчуждение людей от правовой информации и справедливого законодательства- и судопроизводства (Ю. Гревцов)</p> <p>Проблемы отчуждения, связанные с формированием постиндустриального, информационного, «кликающего» общества (А. Малинкин, С. Шайхитдинова, А. Харламов)</p> <p>Неудовлетворенность жизнью, выгорание чувств и эмоций, насилие, агрессия – маркеры отчуждения (В. Семёнов)</p> <p>Проблемы отчуждения молодёжи в ракурсе проблемы культурного отчуждения от общества, его неприятие (А. Лисовский, З. Синкевич)</p> <p>Конфликт как поэтапное развитие процесса отчуждения (Н. Денисенко)</p> <p>Отчуждение в сфере образования. Невозможность творческого самовыражения учащихся, превращение последних в пассивный объект образовательного и педагогического процесса. Отчуждение как характеристика межпоколенных противоречий в образовательном пространстве (Е. Федоренко, П. Афанасьев, Т. Кружилина, А. Сидоркин)</p> <p>Трансотчуждение как современная форма отчуждения в российском обществе, являющаяся результатом смешения западных и советских видов отчуждения (В. Комбаров)</p>
7. Феноменология и интеракционизм	<p>Достижение взаимопонимания посредством дискурса, коммуникации, основанных на общем моральном чувстве. Проблема отчуждения решается за счет признания другого, «чужого». Признание чужого становится возможным в том случае, когда в основе социального действия лежит стремление к взаимопониманию. Особое внимание уделяется речи и жизненному миру (Ю. Хабермас)</p> <p>Мир взаимодействия субъектов (социум) – есть мир интерсубъективный. Таким образом, существование «другого», иного чем «я сам», становится возможным с признанием существования другого не просто как психофизического объекта, но и как трансцендентального субъекта. Так как социум интерсубъективен, он есть результат взаимодействия монад (субъектов, людей), которые вступают во взаимодействие посредством слов. В центре жизненного мира каждой монады (человека) находится его трансцендентальное его, все остальные субъекты располагаются на периферии, поэтому понимание и признание других, чуждых (людей, культуры) становится возможным в процессе «вчувствования» (Э. Гуссерль)</p>

	<p>Обоюдность в восприятии перспективы (схожесть в интерпретации действительности) людьми является залогом успешного социального взаимодействия, понимания действий и речи друг друга (А. Шюц)</p> <p>Социальное взаимодействие возможно посредством различных схем типизации. Чем более отстранён и анонимен другой, тем жестче типизации (бюрократ, иммигрант и т.д.) (П. Бергер, Т. Лукман)</p> <p>Отчуждение как результат (как верного, так и неверного) процесса истолкования речи и жестов в ходе социальной интеракции. Когда люди разговаривают, они редко говорят всё. Речь, как «лингвистический документ», всегда указывает на смысл, событие, даже если они не вербализированы (Г. Гарфинкель)</p> <p>Отчуждение как результат выхода за границы фрейма, то есть за рамки допустимого, возможного, образуемого символическим (А. Сикурель, И. Гоффман)</p> <p>Дистанцирование – результат разыгрывания различных ролей в обществе, в некотором роде форма самоотчуждения (Дж. Мид)</p> <p>Отчуждение определяется социальной игрой, ходом социальной драматургии в которой человек не более чем маска, персонификация роли. Стигма и процесс стигматизации как процесс отчуждения, неприятия и исключения из общества (И. Гоффман)</p>
8. Постмодернизм	<p>Общество потребления как новая фаза капитализма формирует новые виды отчуждения. Потребление рассматривается как новая «повинность», долг – так как труд. Смерть социального. Социальное переходит в чистую коммуникацию.</p> <p>Превращение общества в импловивную массу. На смену реальности приходит гиперреальность, в основе которой лежит процесс симуляции и выработки симулякров (кодов, символов, не имеющих референций в реальности). Трансполитика, трансэстетика, транссексуальность, трансэкономика (Ж. Бодрийяр)</p> <p>Отчуждение в обществе спектакля. То, что раньше переживалось непосредственно, теперь отчуждается в представление. Власть, политика, знание являются собой лицедейство и отчуждены из реальности; этому способствует медиатизация общества и распространение диктата СМИ (Ги Дебор)</p> <p>Подмена реального мира миром кажущимся (созданным современными технологиями), который формирует определенный тип сознания человека. Современное общество – жертва науки и техники. Современное общество – мега-машина, а люди в нем марионетки, деформированные в погоне за технологическим прогрессом. Ради материальных благ, приносимых наукой и техникой, люди жертвуют свободой и духовными ценностями. Отчуждение заключается в частности в том, что «демон» техники, выпущенный человеком на свободу, уже не поддается контролю а, напротив дегуманизирует и подавляет человека (Ж. Эллюль, Д. Келлнер)</p>

	<p>Отчуждени,е как разрастающееся зияние, разрыв в контексте отношений субъекта с Другим, между обозначаемым и обозначающим (Жак Лакан)</p> <p>Корпоративная культура предприятий как гиперреальность и продукт медиатехнологий. Работники отчуждены от своих личных целей и потребностей в пользу ценностей корпоративной культуры, которые формируются компьютерными и телекоммуникационными технологиями. Анализ мотивации как анализ метафизики мотивации (Ф. Хэнкок)</p> <p>Управление предприятием – симулякр, а как процесс представляет собой инкорпорирование в сознание работников изображений и символов, формирующих корпоративную культуру предприятия. Руководитель предприятия, лидер в контексте увеличивающейся медиатизации предприятий (увеличение роли видео-, аудио-, компьютерных и телекоммуникационных технологий) становится виртуальным (не материальным), являет собой видеоизображение, аудио репрезентацию, фотографии и картинки в прессе. Работники отчуждены от реального общения с руководством (Дж. Гренди, А. Миллз)</p> <p>Отчуждение, как общая социальная характеристика человека в жидком и индивидуализированном обществе, в котором жидкими также являются сама жизнь, любовь и страх (З. Бауман)</p> <p>Отчуждение, как непереносимое условие существования человека; как результат развития разума и сознания, обрекающих человека на дискретное, частичное (в противоположность имманентному состоянию) бытие. Один из путей преодоления дискретности – трансгрессия и непроизводительная деятельность (Ж. Батай)</p> <p>Отчуждение есть искажение интегрированных в общество принципов игры, головокружения (ilinx) и симуляции (mimicry) (Р. Кайуа)</p>
9. Объектно-ориентированная социология	<p>Проблема отчуждения, как характеристика технически развитых обществ, снимается посредством «освобождения» вещей, объектов от их социальной нагрузки, социальных функций. Вещи рассматриваются как самостоятельные актанты в контексте социального действия (К. Кнор-Цетина, Б. Латур)</p>